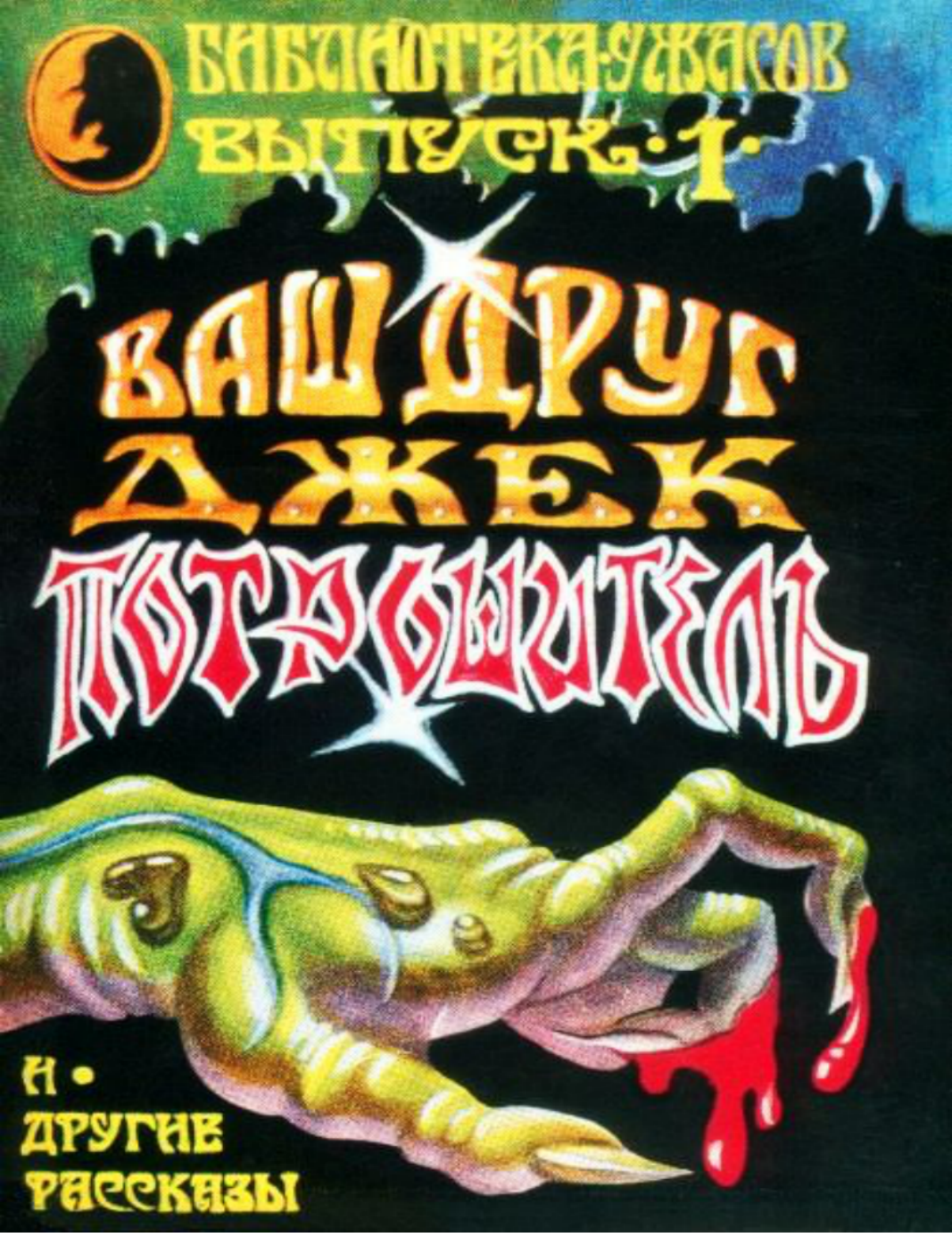

БИБЛИОТЕЧКА УЖАСОВ
ВЫПУСК 1
ВАШ ДРУГ ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Annotation

Книги этой серии — для читателей со стальными нервами.

Долгие годы наше общество тщательно ограждалось от целого жанра современной мировой литературы. Но наконец занавес приподнялся. Знакомьтесь: «БИБЛИОТЕКА УЖАСОВ».

В сборник включены рассказы трех ведущих писателей жанра: Роберт Блох «Ваш друг Джек Потрошитель»; Чарльз Бронстоун «Подходящая кандидатура»; Безил Коппер «Янычары из Эмильона».

Лучшая книга для чтения перед сном!

- Ваш друг Джек Потрошитель
  - Роберт Блох
  - Чарльз Бронстоун
  - Безил Коппер
  -
- notes
  - 1

Ваш друг Джек Потрошитель и другие рассказы

Роберт Блох
Ваш друг Джек Потрошитель

РОБЕРТ · БЛОХ

ВАШ ДРУГ ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ

·1946·

Я окинул взглядом очередного посетителя. Передо мной стоял истинный англичанин, во всяком случае, именно такими их обычно изображают на театральных подмостках. Он посмотрел на меня.

— Сэр Ги Холлис? — поинтересовался я.

— Да, это я. Имею ли честь говорить с мистером Джоном Кэрмоди. психиатром?

Я кивнул и жестом пригласил его сесть. Пока он церемонно

усаживался, я успел скользнуть глазами по его фигуре, также заслуживавшей внимания. Сэр Ги был высок, худощав и светловолос. Традиционные усы непослушными пучками торчали по обе стороны. И одет он был, естественно, в костюм из твида. Я мог поклясться, что в жилетке у него спрятан монокль, а свой зонтик он оставил при входе в мой кабинет.

Но больше всего меня интересовало, какого черта этого сотрудника британского посольства занесло ко мне, незнакомцу из Чикаго?

Сэр Холлис сел, но дела не прояснил. Он прокашлялся, нервно огляделся и постучал трубкой о край моего стола. И только после этого заговорил:

— Мистер Кэрмоди, — начал он. — Вам когда-нибудь приходилось слышать о… Джеке Потрошителе?

— Об убийце? — уточнил я.

— Вот именно. О самом чудовищном убийце! О том, кто был похлеще Джека Неуловимого. О Джеке Потрошителе, о Кровавом Джеке.

— Да, я слышал о нем, — как можно спокойнее сказал я.

— А вам известна его история?

— Послушайте, сэр Ги, — перебил я англичанина. — Я думаю, нам не стоит перемалывать обывательские сплетни о похождениях известных преступников.

И тут он снова поразил меня: глубоко вдохнув, он решительно заявил:

— Это не обывательские сплетни, а дело жизни и смерти!

И вдруг его словно прорвало. Через минуту англичанин увлекся до такой степени, что остановить его было уже невозможно. Выбора не оставалось — я приготовился слушать. В конце концов, нам, психиатрам, за то и платят, чтомы выслушиваем всякий бред.

— Валяйте, — сдался я. — Выкладывайте все!

Сэр Ги раскурил трубку и приступил к своему рассказу:

«Лондон, — объявил он. — 1888 год. Конец лета и самая ранняя осень. Именно тогда все это и началось. Невесть откуда появилась мрачная фигура Джека Потрошителя — жуткое чудовище с ножом в руке. Его зловещая тень витала по Лондону, в Ист-Энде. Он незаметно проникал в самые злачные уголки Уайтчапеля и Спайтфилдса. Никто не знал, откуда он появился, но он принес с собой смерть. Смерть на острие своего ножа…

Шесть раз опускался этот нож, перерезая горло лондонским потаскухам и проституткам, промышлявшим в трущобах. Седьмое августа — вот дата первого убийства. Ее нашли наутро с тридцатью девятью ножевыми ранами на теле. Страшное

убийство! И тридцать первого августа было совершено еще одно. Преступником заинтересовалась пресса. Жители трущоб начали волноваться.

Все жаждали узнать, кто этот кровавый злодей, беспрепятственно проникающий под покровом темноты в узкие переулки и творящий свое черное дело. И. что самое важное, — когда он появится вновь?

Он появился восьмого сентября. Скотланд-Ярд выделил специальных сыщиков. Слухи разрастались, люди только иговорили о зверствах неизвестного.

Убийца в совершенстве владел ножом. Сначала он перерезал горло, а потом вырезал из тела определенные органы, уже после смерти. С исключительным старанием он выбирал свои жертвы и место убийства — никто ни разу не видел и не слышал его. Но сыщики, прогуливаясь утром по переулкам Ист-Энда, находили изуродованные трупы — дело рук Кровавого Джека.

Кто же он такой: безумный хирург, профессиональный убийца, спятивший ученый, дегенерат, сбежавший из сумасшедшего дома, психически больной дворянин или лондонский полицейский?.. Ответа на эти вопросы не было.

А потом в газетах появилось стихотворение. Анонимный стишок, напечатанный с тем чтобы приостановить слухи, только подогрел интерес к преступнику. Вот это четверостишье:

„Я не колдун и не маньяк,
Не враг и не губитель.
Я не убийца. Знайте, я —
Ваш друг Джек Потрошитель.“

И тридцатого сентября он зарезал еще двух женщин.»

Тут я на секунду перебил сэра Ги:

— Все это, конечно, очень интересно… — заметил я, но боюсь, что В моем голосе уже слишком явно сквозил сарказм.

Он нервно мигнул, но рассказа своего не прервал:

«Потом в Лондоне наступило затишье. Затишье, пронизанное мучительным страхом. Когда Кровавый Джек появится снова? Его ждали весь октябрь. В каждом темном переулке прятался его призрак. Причем прятался довольно удачно — никто не узнал ничего ни о личности Потрошителя, ни о его намерениях. К началу ноября лондонские проститутки буквально дрожали от страха и неизвестности и каждое утро благодарили бога за то, что еще видят солнце.

И вот наступает девятое ноября. Убитую нашли в ее собственной комнате. Она лежала на кровати мирно и

безмятежно, с аккуратно сложенными руками. А рядом с ней так же аккуратно покоились ее голова и сердце. Злодей превзошел самого себя.

В городе началась паника. Но паника эта была уже лишней. И хотя полиция, пресса и все жители Лондона с ужасом ожидали следующего убийства, Джек Потрошитель больше не появился.

Прошел год. Интерес к преступнику начал постепенно стихать, но память о нем осталась. Некоторые говорили, что Джек переехал в Америку, другие утверждали, будто он совершил самоубийство. В те годы многое и говорили, и писали на эту тему. Появлялись самые разные теории, гипотезы, аргументы, выходили даже целые трактаты о нем. Но до сих пор так никто и не знает, кто он — этот Джек Потрошитель. И для чего совершал свои убийства. А также — почему эти убийства неожиданно прекратились.»

Сэр Ги замолчал. Очевидно, он ожидал от меня каких-то комментариев.

— Вы прекрасно изложили мне всю историю. — сказал я. — Хотя, на мой взгляд, и с небольшим предубеждением…

— Но у меня есть документы, — возразил англичанин. — Я собрал целую коллекцию данных и тщательно изучил их!

Я встал.

— Ну что ж, — тут я притворно зевнул и потянулся. — Мне понравилась ваша сказка, сэр Ги. Как раз такие и рассказывают перед сном. С вашей стороны было очень любезно оставить все дела в британском посольстве, навестить бедного психиатра и позабавить его милыми анекдотами.

Я знал, что этим только подстрекну его.

— Я думаю, вам будет интересно узнать, почему же я все-таки занялся этим? — резко спросил он.

— Да. Именно это я и хотел выяснить. Почему вас это так интересует?

— Потому что, — многозначительно подняв палец вверх, сообщил мне сэр Ги, — сейчас я напал на след Джека Потрошителя. И у меня есть все основания полагать, что он здесь — в Чикаго!

Я сел. На этот раз заморгал уже я.

— Повторите еще раз, — заикаясь, попросил я англичанина.

— Джек Потрошитель жив! Он здесь, в Чикаго, и я собираюсь его найти.

— Подождите минуточку, — перебил я его. — ПОДОЖДИТЕ МИНУТОЧКУ!

Но он не улыбался. И не шутил.

— Послушайте, — сказал я. — Когда, вы говорите, были

совершены эти убийства?

— С августа по ноябрь 1888 года.

— То есть почти шестьдесят лет назад? Позвольте, но если Джек Потрошитель был тогда взрослым человеком, то сейчас он наверняка уже умер. Да даже если бы он только родился в том году, сейчас ему было бы уже пятьдесят семь лет!

— Неужели? — хитро улыбнулся сэр Ги. — Неужели ему было бы пятьдесят семь? Или, можно сказать, ей было бы. Потому что Джек Потрошитель мог оказаться и женщиной. И вообще кем угодно!

— Сэр Ги, — сказал я. — Вы, по-моему, пришли как раз туда, куда вам надо. Вы несомненно нуждаетесь в помощи психиатра.

— Возможно. Но скажите мне, мистер Кэрмоди, вы действительно считаете меня сумасшедшим?

Я посмотрел на него и пожал плечами. Но пришлось отвечать правду:

— Честно говоря, нет.

— Тогда, может быть, вы послушаете, почему я считаю, что Джек Потрошитель до сих пор жив?

— Непременно.

Сэр Ги глубоко вздохнул.

«Тридцать лет я изучал эти убийства. Я был на местах происшествий, разговаривал с официальными лицами, виделся с друзьями и знакомыми несчастных убитых потаскушек. Целыми днями я бродил по районам убийств с людьми, имевшими хоть малейшее отношение к этому делу. Я собрал целую библиотеку из материалов, посвященных Джеку Потрошителю, проштудировал самые безумные идеи и предположения.

И я кое-что понял. Не так уж и много, но кое-что. Не буду долго утомлять вас своими рассуждениями, однако скажу, что была и еще одна сторона моих исследований, которая тоже принесла свои плоды: я изучал нераскрытые убийства. Я мог бы показать вам вырезки из газет многих городов земного шара — Сан-Франциско, Шанхай, Калькутта, Омск, Париж, Берлин, Претория, Каир, Милан. Аделаида…

Здесь-то я и напал на след, на некую закономерность. Эти нераскрытые убийства… Зарезанные женщины… Когда после смерти были вынуты отдельные органы. Да, я шел по его кровавому следу от Нью-Йорка на запад через весь континент, к берегам Тихого океана. Оттуда — в Африку. Во время первой мировой войны он находился в Европе. Потом перебрался в Южную Америку. А с 1930 года — снова в США. Я тщательно изучил восемьдесят семь похожих убийств, и, с точки зрения опытного криминолога, все они — дело рук Джека Потрошителя.

Совсем недавно произошли так называемые „убийства с расчленением“ в Кливленде. Помните? Страшная цепь преступлений! И, наконец, за последние шесть месяцев — два случая в Чикаго. Один в Южном Дирборне, второй — где-то в Холстеде, Такие же самые убийства, та же технология. Могу вас уверить, что все эти преступления — работа Кровавого Джека!»

Я улыбнулся.

— Что ж, неплохая теория. Я не буду спрашивать, какие у вас есть доказательства или какие дедукционные методы вы применяли… Вы криминолог, вам и карты в руки, и я поверю вам на слово. Но объясните мне только одно. Так, сущую безделицу, но, может быть, о ней тоже стоит упомянуть.

— Что же это такое? — надменно спросил сэр Ги.

— Как же может человек, ну, скажем, лет восьмидесяти пяти, совершать подобные преступления? Ведь если в 1888 году Потрошителю было, допустим, тридцать, то теперь ему никак не меньше восьмидесяти!

Сэр Ги долго молчал. Я уже было вздохнул с облегчением, как вдруг он снова заговорил:

— А что, если он НЕ СТАРЕЛ? — прошептал англичанин.

— Что?!

— Предположите, что Джек Потрошитель не старел. Представьте себе на минуту, что он до сих пор выглядит, как юноша.

— Прекрасно, — сказал я. — Я могу предположить это на минуту. Но ровно через минуту я должен буду перестать предполагать и позвать своих санитаров, чтобы вас связали.

— Я говорю вполне серьезно! — возмутился сэр Ги.

— Все вы серьезные, — с тоской процедил я. глядя в окно. — И это самое печальное. Вам так не кажется? Все сумасшедшие уверены в том, что слышат голоса и видят демонов. Но тем не менее мы держим их в изоляторах.

Это было уже откровенной жестокостью с моей стороны, но на него подействовало. Он встал и заглянул мне в лицо.

— Да, это безумная теория, я с вами согласен, — с жаром воскликнул он. — Но все теории, касающиеся Джека Потрошителя — сумасшедшие. Хотя бы мысль о том, что он был врачом. Или женщиной. Ведь оснований утверждать это не было никаких! Не оставалось ни свидетелей, ни следов. Поэтому моя теория ничуть не хуже прочих.

— Но люди стареют, черт возьми! — не выдержал я. — Врачи, маньяки, женщины — все.

— А как насчет некромантов?

— Некромантов?

— Да. все эти чародеи, колдуны, кудесники… Те, кто занимается черной магией…

— Ну и что же насчет колдунов? — насторожился я.

— Я изучал это, — сказал сэр Ги. — Я все изучал. Какое-то время я занимался датами убийств. И выявил закономерность, определенный ритм. Ритм солнечный, лунный и звездный. Так сказать, астральный аспект, астрологическую сторону дела…

Ситуация прояснялась: он явно был ненормальным. Но все же я вынужден был слушать его дальше.

— Представьте себе, что Джек Потрошитель совершал убийства не просто ради самих убийств, как это делают заурядные маньяки, а что ему нужно было приносить жертвы.

— Какие еще жертвы? — спросил я уже с явной безнадежностью в голосе.

Сэр Ги пожал плечами.

— Говорят, что если пролить кровь для нечистых богов, то они одарят вас. Но только, если эта кровь будет пролита в определенное время, когда благоприятно располагаются луна и звезды, и при соблюдении определенного ритуала… Вот тогда они и даруют вам молодость. Вечную молодость…

— Но это же бред!

— Нет. Это — Джек Потрошитель.

Я встал.

— Это весьма занимательная теория, — сказал я. — Но, сэр Ги, теперь меня интересует только одно — почему вы пришли сюда и все это мне рассказываете? Ведь я не специалист но колдовству, не полицейский и не криминолог. Я психиатр и не вижу тут никакой связи…

Англичанин неожиданно заулыбался.

— Итак, вы заинтересовались? — спросил он.

— Ну, хорошо. Я заинтересовался. Допустим, в этом что-то есть.

— Конечно же, есть! Но сначала мне нужно было убедиться, что вы действительно заинтересуетесь. Теперь я могу посвятить вас в свой план.

— И что же это за план?

Сэр Ги пристально посмотрел на меня.

— Мистер Кэрмоди. — торжественно произнес он. — Мы с вами поймаем Джека Потрошителя!

* * *

Так все это и началось. Я специально рассказал о нашей первой встрече со всеми подробностями, потому что считаю ее очень важным моментом: наш разговор проливает свет не только на характер сэра Ги и его манеры, но и позволяет понять, что все, случившееся потом…

Но к этому я еще со временем подойду.

Идея сэра Ги была довольно проста. Это была даже не идея, а своего рода интуитивный толчок.

«Вы знаете здесь массу людей, — сказал он. — Я уже справлялся об этом. Поэтому вы показались мне идеальным человеком для моего плана. Среди ваших знакомых много писателей, художников, поэтов — так называемых „представителей творческой интеллигенции“. В сущности — это богема, странные и экзотические люди.

По некоторым причинам — нет смысла их называть — я пришел к заключению, что Джек Потрошитель принадлежит именно к этому кругу людей. Он очень эксцентричен. И я думаю, что если вы познакомите меня со своими друзьями, то вскоре я смогу так или иначе выйти на его след.»

— Ну, я-то согласен. — ответил я англичанину. — Но только как вы собираетесь его искать? Ведь вы утверждаете, что он может оказаться кем угодно. И жить где угодно. А вы даже не имеете представления о том, как он выглядит. Он может быть и стариком, и молодым человеком. Вы же сами только что говорили, что Джек Потрошитель — это внешность на любой вкус: богач, бедняк, нищий, вор, врач, адвокат… По-моему, у вас нет никаких шансов опознать его.

— Посмотрим, — вздохнул сэр Ги. — Но найти его я просто обязан. И причем немедленно.

— А к чему такая спешка?

Англичанин снова вздохнул.

— Потому что через два дня он опять совершит убийство.

— Вы и этом уверены?

— Абсолютно, как в движении звезд. Я же все рассчитал — убийства подчиняются определенному астрономическому ритму. Если, как я предполагаю, он совершает эти убийства для омоложения, то ему нужно принести следующую жертву в течение ближайших двух дней. Вспомните даты его первых убийств в Лондоне: седьмое августа, затем 31 августа, восьмое сентября, тридцатое сентября, девятое ноября. Перерывы идут в 24 дня, 9 дней и 22 дня — тогда он убивает сразу двоих — а потом наступает затишье на 40 дней. Конечно, между этими числами тоже происходили убийства. Так и должно быть. Но они или раскрывались, или же не приписываются ему.

Во всяком случае, руководствуясь своими записями, я смог рассчитать его ритм. И со всей определенностью говорю вам. что в течение двух ближайших диен будет совершено еще одно преступление. Поэтому мне надо немедленно разыскать его, прежде чем он успеет совершить очередное убийство.

— И все же мне непонятно, зачем вам понадобился я.

— Возьмите меня в гости, — сказал сэр Ги. — Представьте своим знакомым, свозите на вечеринки…

— Но с кого начать? Насколько мне известно, все мои богемные друзья, несмотря на свою эксцентричность, — вполне нормальные люди.

— И Потрошитель тоже нормальный. Абсолютно нормальный. За исключением некоторых ночей. — И опять в глазах сэра Ги я увидел какую-то пустоту и отчужденность. — И тогда он становится патологическим чудовищем, не имеющим возраста, он ползет вперед с единственной целью — убить. И звезды сияют ему, когда он идет убивать.

— Ну, хорошо, — сдался я. — Хорошо. Я возьму вас на вечернику, сэр Ги. Я и сам хотел куда-нибудь пойти. В конце концов, мне необходимо выпить после всего, что вы тут нарассказывали.

Мы обсудили план. И в этот же вечер я взял его с собой в студию Лестера Бастона.

Пока мы поднимались в лифте на верхний этаж дома, я успел предупредить сэра Ги:

— Бастон — настоящий сумасброд. И все его гости тоже. Так что будьте готовы ко всему.

— Уже готов, — сэр Ги Холлис был абсолютно серьезен. Он сунул руку в карман брюк и вынул оттуда пистолет.

— Какого черта?! — начал было я.

— Если я увижу его, то должен быть наготове, — прервал меня англичанин. Он не улыбался.

— Послушайте, не можете же вы веселиться на вечеринке с заряженным пистолетом в кармане!

— Не волнуйтесь. Глупостей я не наделаю.

Я задумался. По моему мнению, сэр Ги все же был не вполне здоров.

Мы вышли из лифта и направились к квартире Бастона.

— Между прочим, — прошептал я, — как вы хотите, чтобы я вас представил? Должен ли я им сообщать, кто вы такой и что здесь делаете?

— Мне безразлично. Наверное, лучше сказать всю правду.

— А вам не кажется, что Потрошитель — если вдруг произойдет чудо, и он окажется среди нас — немедленно

скроется или замаскируется?

— Мне кажется, что от шока, который произведет мое признание, что я охочусь за ним, он чем-нибудь обязательно выдаст себя, — парировал сэр Ги.

— Из вас получился бы неплохой психиатр, — заметил я. — По крайней мере в психологическом отношении ваша теория — не самая худшая. Но я вас хочу предупредить, что над вами будут подшучивать. Это совершенно безумная компании!

Сэр Ги улыбнулся.

— Я готов, — произнес он. — И кроме того, у меня есть кое-какой план. Поэтому не удивляйтесь ничему, что я сделаю. — предупредил он.

Я кивнул и постучался в дверь.

Бастон открыл дверь сам и молча проводил нас в просторный холл. Глаза у него уже были такого же цвета, как вишенки, плавающие в его коктейле. Некоторое время он очень серьезно рассматривал нас, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Потом прищурился и, придирчиво осмотрев мою фетровую шляпу и усы сэра Ги, громогласно объявил:

— Ба! К нам явились Плотник и Морж![1]

Я представил сэра Ги.

— Добро пожаловать, — просиял Бастон и изысканным жестом пригласил нас пройти в шумную гостиную. Сам он нетвердой походкой двинулся вслед за нами.

Еще из холла я увидел множество людей, снующих по комнате в сигаретном дыму. Вечеринка только начиналась, но каждый гость уже держал в руке стакан со спиртным, и лица у всех были раскрасневшиеся. В углу кто-то в полную громкость играл на пианино марш из «Любви к трем апельсинам», но это ничуть не мешало азартной игре в кости, которая шла полным ходом в другом углу.

Прокофьев не смог состязаться с любителями поиграть, и костяшки клавиш гремели не громче, чем игральные кости.

Сэр Ги сразу же воспользовался своим моноклем. Он увидел здесь поэтессу Ла Верне Гоннистер, встретился взглядом с Гими Крэликом. Гими лежал на полу и безутешно рыдал до тех пор, пока проходящий мимо за выпивкой Дик Пул не наступил ему случайно на живот.

Англичанин услышал, как коммерческая художница Надя Вилинофф говорила Джону Окдатту, что татуировка на нем просто безобразная и безвкусная, а потом увидел, как Бэркли Мелтон полз куда-то под обеденным столом вместе с супругой Джонни Окдатта.

Эти наблюдения могли бы продолжаться до бесконечности,

если бы неожиданно Лестер Бастон не вышел на середину ковра и не разбил большую вазу, чтобы привлечь всеобщее внимание.

— Сегодня среди нас присутствуют почетные гости, — выкрикнул Лестер, указав пустым стаканом в нашу сторону. — Не кто иные, как Плотник и Морж. Морж — это сэр Ги Холлис, кто-то там из британского посольства. А Плотник, как вам известно, это наш дорогой Джон Кэрмоди, известный фармацевт и продавец мази от либидо.

Потом он повернулся, ухватил сэра Ги за рукав и вытащил на середину комнаты. На секунду мне показалось, что Холлис будет упираться, но он успел подмигнуть мне, и я успокоился. Видимо, он действительно был готов ко всему.

— У нас есть обычай, сэр Ги, — громко произнес Бастон, — подвергать всех наших новых друзей перекрестному допросу. Это просто небольшая формальность наших совершенно официальных собраний, понимаете? Вы готовы ответить на все наши вопросы?

Сэр Ги кивнул и хитро ухмыльнулся.

— Вот и хорошо, — пробурчал Бастон. — Друзья мои, я отдаю вам на растерзание нашего английского гостя. Пожалуйста, ваши вопросы…

И тут началась потеха. Я очень хотел послушать, но в эту минуту меня заметила Лидия Дэр и утащила с собой в вестибюль, как всегда уверяя на ходу, что она ждала меня и только меня целую вечность.

К тому времени, как мне удалось отделаться от нее я вернуться в гостиную, импровизированный допрос был уже в полном разгаре. По реакции толпы я понял, что сэр Ги отлично справляется со своей ролью.

И тут сам Бастон выступил вперед и задал вопрос, который спутал все наши карты:

— Но что же все-таки привело вас сюда, к нам? Какова ваша миссия, милый Морж?

— Я ищу Джека Потрошителя.

Тут, как вполне понятно, в гостиной наступила тишина.

Наверное, все были потрясены сказанным. Так же, как и я, когда впервые услышал от сэра Ги это имя. Я оглядел своих соседей и задумался:

«Ла Верне Гоннистер. Гими Крэлик. Совершенно безобидные люди. Дик Пул, Надя Вилинофф, Джонни Окдатт с женой, Бэркли Мелтон, Лидия Дэр — все совершенно безобидные.

Но какая натянутая улыбка у Дика Пула! И какая самоуверенная, чуть заметная для окружающих ухмылка на лице Бэркли Мелтона!..»

Конечно, все это было нелепо, я понимаю сам. Но впервые в

жизни я посмотрел на этих людей с другой стороны: я задумался об их жизни — о тех секретах, которые они могли иметь за пределами наших вечеринок.

«Сколько же людей могут хранить свои тайны, а перед другими просто притворяться?

Кто из них мог бы поклоняться дьяволу и приносить ему страшные кровавые жертвы?

Даже сам Лестер Бастон запросто мог оказаться „темной лошадкой“!»

Через некоторое время мне показалось, что мое настроение начало передаваться и всей компании. Я увидел вокруг себя вопросительные взгляды.

Сэр Ги стоял в середине, и могу поклясться, что он сознавал, какую заварил кашу, и молча наслаждался этим.

Я рассуждал про себя, почему же он такой странный и непонятный. И зачем ему так понадобился этот Джек Потрошитель? Может быть, ему самому есть что скрывать?..

Как всегда, первым опомнился Бастон и помог разрешить это недоразумение. Он все перевел в шутку.

— А ведь сэр Морж не шутит, друзья мои, — сказал он и похлопал сэра Ги по спине, потом обнял его и произнес: — Наш брат из Англии действительно напал на след известного сказочного убийцы. А вы же помните, я надеюсь, Джека Потрошителя? Это был большой шутник в старые добрые времена, особенно когда выходил на промысел…

Так вот, у Моржа есть кое-какие соображения, и он считает, что Потрошитель еще жив и рыщет сейчас по Чикаго с бойскаутским ножом в кармане. А известно ли вам, — тут Бастон па секунду замолчал и продолжил уже суфлерским шепотом, — что у него есть все основания полагать, что Джек Потрошитель сегодня находится среди нас?

Как и ожидалось, эта фраза была встречена взрывом смеха и благодарными улыбками дам. Бастон с укором посмотрел на Лидию Дэр.

— А девушкам тоже не надо смеяться, — многозначительно заметил он, погрозив ей пальцем. — Вы же знаете, что Джек Потрошитель может оказаться и женщиной — этакой Джилл Потрошительницей…

— Вы хотите сказать, что на самом деле подозреваете одного из нас? — взвизгнула Ла Берне Гоннистер и нервно улыбнулась сэру Ги. — Но ведь этот самый Джек Потрошитель исчез целую вечность назад, разве нет? В 1888 году!

— Ага! — перебил ее Бастон. — Откуда вам так много известно, юная леди? Это подозрительно' Следите за ней, сэр Ги,

она может оказаться и не такой уж молоденькой. У этих поэтесс всегда темное прошлое.

Напряжение прошло, общее настроение повышалось, и ситуация переросла я обычную шутку. Пианист смотрел на клавиши, размышляя, что бы повеселее сейчас сыграть, а Лидия Дэр уже поглядывала на кухню, где стояли готовые коктейли.

И тут Бастон сказал:

— А знаете что? У Моржа есть пистолет.

Одной рукой он быстро нащупал в кармане у сэра Ги пистолет и, прежде чем тот успел опомниться, вынул его.

Я уставился на сэра Ги, подумав, что Лестер, очевидно, зашел чересчур далеко. Но англичанин снова подмигнул мне, и я вспомнил, что он просил меня ни о чем не беспокоиться.

Итак, я стал ждать, что же пьяный Бастон придумает дальше.

— Давайте будем честными с нашим другом Моржом, — выкрикнул он. — Он приехал из далекой Англии, чтобы попасть к нам на вечеринку и выполнить свою миссию до конца. Если никто из вас не собирается добровольно сознаваться, то я предлагаю дать ему возможность самому выяснить истину.

— Это каким же образом? — спросил Джонни Окдатт.

— На одну минуту я выключу свет. А сэр Ги будет стоять здесь с пистолетом в руке. Если кто-то из нас — Джек Потрошитель, то у него появится возможность или сбежать или — ну, скажем, покончить навсегда со своим преследователем. Так будет честно.

С моей точки зрения это было еще глупей, чем прозвучало. Но почему-то всем затея понравилась. Сэр Ги протестовал, но его уже не было слышно в общем шуме и гомоне, который последовал сразу же за предложением Бастона. И прежде чем я успел подойти к толпе поближе, чтобы высказать свое мнение на этот счет. Лестер протянул руку к выключателю, и все замолчали.

— Никто не шевелится, — произнес Бастон с напускной торжественностью. — В течение одной минуты мы остаемся в темноте, а возможно, что и во власти убийцы. По истечении этого времени я включу свет, и мы посмотрим, все ли остались на местах. Выбирайте своих соседей, дамы и господа!

И тут свет погас.

Кто-то засмеялся.

Я услышал в темноте какие-то шаги и бормотание.

Потом чья-то рука провела по моему лицу.

Мои наручные часы затикали особенно громко. Но еще громче доносился до меня другой стук. Это билось мое собственное сердце.

Стоять в темноте в компании подвыпивших идиотов было и

совсем уж нелепо. Но тем не менее какой-то настоящий ужас вползал в комнату по этому бархатному мраку.

Я подумал, что так же незаметно входил и Джек Потрошитель. И в руке у этого безумца был нож.

Однако, исходя из человеческих законов, Потрошитель мертв и превратился в прах уже много лет назад.

Но только, когда вы стоите в темноте, все человеческие законы постепенно тают, ибо здесь действуют лишь законы темноты; она прячет и защищает вас, и маска спадает с вашего лица. И вот внутри вас что-то растет, переполняет душу, и появляется какая-то пока еще неосознанная, бесформенная, но непреодолимая жажда, цель, которая сродни только самой темноте…

И тут раздался голос сэра Ги.

После этого я услышал, как что-то упало на пол.

Бастон включил свет.

Все вскрикнули.

На полу лежал сэр Ги Холлис, тело его было неподвижно распростерто на ковре. В руке он все еще сжимал пистолет.

Я посмотрел на лица присутствующих и удивился тому, как много всяких выражении может создавать чувство страха.

Все гости были на месте, из комнаты никто не исчез. И тем не менее сэр Ги неподвижно лежал на ковре…

Ла Верне Гоннистер плакала и отворачивалась.

— Все в порядке! — Холлис вскочил на ноги. Он улыбался. — Неплохой эксперимент, а? Если бы среди вас оказался Джек Потрошитель и решил бы, что меня убили, то он наверняка бы чем-нибудь выдал себя в тот момент, когда зажегся свет в все увидели меня на полу.

Поэтому я убежден в полной невиновности вас всех вместе взятых и каждого в отдельности. Это был розыгрыш, друзья мои!

Изумленные гости начали медленно обступать его.

— Может быть, нам пора идти, Джон? — спросил он меня. — Мне кажется, уже становится поздно.

Англичанин повернулся и направился к выходу. Я последовал за ним. Никто не проронил ни слова.

В общем, вечерника после этого стала уже неинтересной.

* * *

Как мы и договорились, на следующий вечер я встретился с сэром Ги на углу 29-й улицы и Южного Холстеда.

После вчерашних событий я был готов уже ко всему на свете. Но сэр Ги выглядел вполне заурядно, он стоял, прислонившись спиной к зданию, и немного сгорбился, ожидая моего появления.

— Ага! — крикнул я и с разбегу наскочил на него. Он улыбнулся. И только едва заметное движение руки к карману с пистолетом выдало его.

— Все готово для охоты? — весело спросил я.

— Да, — кивнул англичанин. — Я рад, что вы решили встретиться со мной безо всяких расспросов, — сказал он. — Это значит, что вы мне доверяете.

С этими словами он взял меня под руку и повел по улице.

— Посмотрите, Джон, какой сегодня туман, — сказал сэр Ги. — Прямо как в Лондоне.

Я кивнул.

— И довольно холодно для ноября…

Я снова кивнул и передернулся от холода. Било действительно очень сыро.

— Забавно, — удивлялся сэр Ги. — Лондонский туман и ноябрь. И место, и время убийств Потрошителя.

Я усмехнулся в темноте.

— Позвольте вам напомнить, сэр Ги, что это не Лондон, а Чикаго. И сейчас не ноябрь 1888 года; с тех пор прошло уже пятьдесят с лишним лет.

Холлис улыбнулся в ответ, но как-то нехорошо.

— Вот в этом я нс совсем уверен, — мрачно проворчал он. — Оглянитесь вокруг. Посмотрите на эти темные переулки. Они так напоминают Ист-Энд! И уж им-то никак не меньше пятидесяти лет.

— Мы сейчас в негритянском районе Саут Кларк Стрит, — оборвал его я. — И мне до сих пор не понятно, зачем вы притащили меня сюда.

— По интуиции, — признался англичанин. — Исключительно по интуиции, Джон. Я хочу побродить по этим местам. Здешние переулки очень похожи на те трущобы, где совершал свои убийства Кровавый Джек. И вот здесь-то, Джон, мы его и поймаем. Да, это произойдет не при ярком свете богемных вечеринок, а именно здесь, в темноте. В темноте, где он сидит и поджидает своего часа.

— Поэтому вы и принесли с собой пистолет? — спросил я, не в силах более скрывать нервного сарказма в голосе.

Все эти разговоры о необходимости поймать Джека Потрошителя, как оказалось, сильно подорвали мое душевное равновесие — гораздо сильнее, чем я мог предположить.

— Возможно, что нам понадобится пистолет, — задумчиво

произнес сэр Ги. — И кроме того, сегодня особая ночь.

Я вздохнул. Мы брели по затуманенным пустым улочкам. Иногда нам встречались фонари, освещавшие входы забегаловок, но в других местах было совершенно темно. А мы все шли и шли по темным зловещим переулкам.

Мы ползли сквозь туман, как две жалкие личинки, барахтаясь в его сплошной пелене.

Когда эта мысль посетила меня, я невольно вздрогнул и поморщился; атмосфера начинала действовать мне на нервы. И я подумал, что если не возьму себя в руки, то стану таким же полоумным, как и сэр Ги.

— Неужели вы не видите, что здесь нет ни души? — наконец спросил я, нетерпеливо дернув его за рукав.

— Он обязательно должен появиться, — тихо ответил англичанин. — Его притянет сюда. Именно этого я и жду. Злое место привлекает зло, и он всегда совершает свои убийства в трущобах. Понимаете, это его слабость; у него прямо-таки страсть к бедным районам. И кроме того, женщины, которых он приносит в жертву, все время болтаются без дела в дешевых пивных и забегаловках больших городов.

Я улыбнулся.

— Ну, тогда давайте зайдем в какую-нибудь пивную или забегаловку, — предложил я. — А то я замерз и мне нужно выпить. Этот проклятый туман ломит кости. Вы, англичане, легко его переносите, а я люблю сидеть в тепле, и когда при этом вокруг сухо.

Мы перешли на другую сторону улицы и свернули за угол. Впереди сквозь белые облака тумана я различил тусклый свет оголенной лампочки, сигнализирующей о близости пивной.

— Давайте попробуем зайти, — опять предложил я. — А то меня начинает знобить.

— Хорошо, ведите меня, — согласился сэр Ги.

Мы двинулись вниз по переулку и остановились перед входом в пивную. Я заглянул в окно.

— Чего же вы ждете? — недоуменно спросил он.

— Я просто смотрю, кто там внутри, — объяснил я. — Это очень опасное место, сэр Ги. Никогда нельзя предсказать, что здесь может произойти. И я предпочитаю обходить подобные места стороной. В этом негритянском районе не очень-то жалуют белых посетителей.

— Это вы правильно решили. Джон.

Через минуту я закончил свой осмотр.

— Похоже, внутри никого. Давайте зайдем.

Мы вошли в темный бар. Одинокая пыльная лампочка слабо

мерцала над стойкой, но совсем не освещала внутренние кабины и столики.

За стойкой сидел огромный негр — эдакий черный великан с выступающей нижней челюстью и обезьяноподобным туловищем. Он почти не шевельнулся, когда мы вошли, но глаза его сразу же приоткрылись, и я понял, что он заметил нас и теперь рассматривает.

— Добрый вечер, — сказал я.

Негр не торопился отвечать. Сперва он хорошенько оглядел нас, а потом ухмыльнулся.

— Добрый вечер, джентльмены. Что желаете?

— Джин, — решил я. — Два джина. На улице очень холодно.

— Отлично, джентльмены.

Он налил джин, я расплатился и отнес стаканы к столику. Мы с сэром Ги тут же опорожнили их. Огненная жидкость сразу согрела нас.

Я снова подошел к бару и взял целую бутылку. Мы налили себе еще по одной. Огромный негр опять закрыл глаза и задремал, время от времени приоткрывая один глаз, чтобы следить за нашими действиями.

Часы над стойкой медленно отсчитывали секунды. На улице поднимался сильный ветер, разрывая туман в клочки. А мы с Холлисом спокойно сидели в теплом местечке и попивали свой джин.

Англичанин начал беседу, и вокруг нас собрались тени.

Сэр Ги говорил очень много и страстно. Сначала он повторил мне все, что рассказывал в моем кабинете в первый день нашего знакомства, как будто я должен был услышать это впервые. Бедные больные, которых преследует навязчивая идея, обычно именно так себя и ведут.

Я слушал его очень внимательно. Потом налил ему джина. Потом еще раз.

Но алкоголь только сильнее развязал его язык. Как же он распространялся на эту тему! О ритуальных убийствах и продлении жизни неестественным путем — вся эта волшебная сказка вновь прошла перед моим мысленным взором. И конечно, Холлис не забывал добавлять, что, по его мнению, Потрошитель должен встретиться с ним именно сегодня.

Наверное, я поддразнивал его, и он распалялся все больше и больше.

— Ну ладно, — сказал я, не сдерживая нетерпения в голосе. — Давайте представим себе, что ваша теория верна. Даже если для этого нам придется забыть на время о законах природы и уверовать во множество предрассудков.

Но так и быть, ради поддержания разговора давайте допустим, что вы правы. Пусть Джек Потрошитель обнаружил способ продлевать собственную жизнь, принося в жертву людей. Как вы считаете, он долго путешествовал по всему свету, а сейчас находится в Чикаго и собирается совершить очередное убийство. Другими словами, давайте предположим, что все, о чем вы тут говорили — это святая истина. Ну и что из этого?

— Как это «что из этого»? — с возмущением воскликнул сэр Ги.

— Очень просто — что из этого?! — взорвался я. — Если все ваши бредовые рассказы и являются истиной, это еще не значит, что если вы будете преспокойно сидеть в этой чахлой забегаловке, то Джек Потрошитель непременно явится сюда и даст вам либо убить себя, либо выдать полиции. И, честно говоря, я толком не представляю себе, что вы будете с ним делать, если произойдет чудо и вы все же встретитесь.

Сэр Ги чуть не поперхнулся джином.

— Я схвачу эту грязную свинью, — сказал он, — поймаю его и выдам государству вместе со всеми бумагами и доказательствами в документах, которые я собирал много лет. Я потратил целое состояние, занимаясь этим делом, слышите вы, целое состояние! Если я найду его, то будут раскрыты сотни нераскрытых убийств, я уверен в этом.

Говорю вам, дикий зверь еще на свободе! Этот не имеющий возраста вечный зверь, приносящий в жертву темным богам человеческую кровь!

«Готово дело… — подумал я. — Неужели полбутылки спиртного могут вызвать у нормального человека такой словесный понос?» Но это было уже неважно. Сэр Ги налил себе еще. Я сидел и размышлял, что же мне с ним делать. Он быстро приближался к истерическому состоянию пьяницы.

— Вот еще что, — сказал я, но уже скорее для поддержания разговора, чем для получения информации. — Вы так и не объяснили мне, почему вы рассчитываете, что Джек Потрошитель непременно придет сюда.

— Он будет здесь, — уверенно заявил англичанин, — Я ясновидящим. Я это знаю.

Сэр Ги не был ясновидящим. Он был пьяным.

Все это начинало сильно действовать мне на нервы и порядком раздражать. Мы просидели уже целый час, и все это время я вынужден был выслушивать пьяную болтовню идиота. В конце концов, он не был моим постоянным пациентом.

— Ну хватит, — сказал я и рукой преградил сэру Ги путь к полупустой бутылке. — Вы и так много выпили. У меня есть

предложение: давайте найдем такси и уберемся отсюда. Становится уже поздно, а ваш неуловимый друг, похоже, и не думает появляться.

Завтра я на вашем месте передал бы все бумаги и документы Федеральному Бюро Расследовании. Если вы действительно так уверены в своей дикой версии, то они могли бы заняться этим и найти вашего преступника не хуже вас.

— Нет, — заупрямился англичанин. — Никаких такси!

— Но все равно, давайте уйдем отсюда. — сказал я, взглянув на часы. — Уже за полночь.

Сэр Ги вздохнул, пожал плечами и, пошатываясь, поднялся. Подходя к двери, он вдруг достал из кармана пистолет.

— Послушайте-ка, дайте мне его сюда, — шепнул я, чтобы не услышал бармен. — Нельзя ходить по улицам в пьяном виде и размахивать оружием.

Я отобрал у него пистолет и сунул к себе в пальто. Потом взял сэра Ги под руку и вывел на улицу. Негр даже не посмотрел на нас, когда мы уходили.

Через минуту мы стояли на тротуаре и дрожали от холода, не зная, куда дальше идти. Туман усилился. Не было видно даже другой стороны переулка. Было очень холодно, сыро и темно. Несмотря на туман, нам в спину постоянно дул ветер, нашептывая что-то тоскливое и зловещее. Свежий воздух подействовал на сэра Ги именно так, как я и предполагал: туман и винные пары не очень удачно сочетаются. Он весь подался вперед, будто высматривая что-то во мгле.

Несмотря на свое состояние, он, видимо, все еще ожидал, что из тумана навстречу ему возникнет фигура преступника.

Я посмотрел на него с отвращением.

— Детская наивность, — проворчал я. — Джек Потрошитель, вот уж действительно! Ваше хобби, по-моему, слишком далеко зашло!

— Хобби? — он пристально посмотрел мне в глаза. Сквозь туман я увидел его искаженное лицо. — Вы называете это «хобби»?

— А как же еще? — огрызнулся я. — Какого черта вас так интересует этот мифический убийца?

Я держал его за руку и не мог отвести взгляда.

— В Лондоне, — прошептал он, — в 1888 году, одной из тех потаскушек была моя мать.

— Что?!

Но сэр Ги не слышал меня. Он продолжал:

— Потом меня разыскал отец и усыновил. И мы с ним поклялись отдать свои жизни на поиски Потрошителя. Сначала

этим занимался отец. Но он умер в Голливуде в 1926 году, когда уже напал на след негодяя. Говорят, что его зарезали в пьяной драке. Но я-то знаю, кто был этот неизвестный убийца…

Поэтому делом занялся я сам. понимаете, Джон? Я продолжил дело своего отца. И буду продолжать его до тех пор, пока не найду этого мерзавца и не убью своими руками!

Он отобрал жизнь у моей матери и сотни других людей, чтобы жить самому своей дьявольской жизнью. Он питается кровью, как вампир. Как упырь, он живет за счет чужой смерти. Как бешеный зверь, оп живет в мире только затем, чтобы убивать. Он хитер, он чертовски хитер. Но я не успокоюсь, пока не разыщу его, никогда не успокоюсь!

И тут я поверил ему: он не сдастся. Это была уже не пьяная болтовня. Он оказался настоящим фанатиком, таким же решительным и безжалостным, как и сам Джек.

Завтра он протрезвеет и будет продолжать свои поиски. Возможно, он отдаст собранные бумаги в ФБР. Рано или поздно, с его настойчивостью и с его серьезными мотивами, он добьется своего. Я с самого начала догадывался, что у него есть своя веская причина.

— Пойдемте, — сказал я, увлекая его в туман.

— Подождите минуточку, — уперся сэр Ги. — Отдайте мне назад мой пистолет.

Он немного пригнулся.

— Я чувствую себя лучше, когда он при мне. Англичанин всем телом навалился на меня в темноте. Я хотел оттолкнуть его, но он настаивал:

— Ну отдайте же мне пистолет, Джон, — требовал он.

— Ладно, — сказал я и сунул руку в карман пальто. Через секунду я вынул ее.

— Но это же не пистолет, — в ужасе завопил он. — Это нож!

— Знаю.

Я резко схватил его свободной рукой.

— Джон!! — закричал сэр Ги Холл.

— Да хватит вам называть меня Джоном, — прошипел я и занес клинок над его головой. — Зовите меня просто — Джек.

Чарльз Бронстоун
Подходящая кандидатура

Моника Конуэй лениво потянулась на золотистом песке. Летнее солнце ласково согревало ее бронзовое тело, облаченное в светло-голубой купальный костюм. Она провела рукой по обнаженному животу и решила, что он уже достаточно поджарился — ей вовсе не хотелось обгорать и было вполне достаточно темно-коричневого загара.

— Пожалуй, Элен, мне пора ненадолго перевернуться, —

сказала она, и ее тонкое тело перекатилось на засыпанное песком полотенце. Моника закрыла глаза и приготовилась получить очередную порцию тепла. Элен ничего не ответила — она была поглощена изучением газетной рубрики «Требуются»; ее темные зеленые глаза внимательно просматривали одно объявление за другим, тщательно взвешивая все достоинства и недостатки каждого предложения.

— Сделай одолжение, натри мне спину кремом, — промурлыкала Моника. Она должна была увериться, что нигде не обгорит. Мужчины не любят девушек с облезающей красной кожей, а Моника любила мужчин. Элен вздохнула, это означало, что в газете опять нет ничего подходящего.

— Не думаю, чтобы нам удалось подобрать себе работу на лето, — угрюмо процедила она и отложила газету.

— Ну перестань, что-нибудь обязательно найдем. Дай-ка мне газету на секундочку.

Элен начала втирать жирный белый крем в плечи подруги. Вот уже почти неделя прошла с тех пор, как они закончили педагогический колледж, и впереди у них было еще целых два месяца, прежде чем начиналась работа в школе. Конечно, чудесно было бы провести эти месяцы, валяясь на солнышке, но для этого нужны были деньги, а их-то как раз и не было. Мысль найти работу принадлежала Монике, и поначалу Элен отнеслась к ней без особого энтузиазма, но белокурая подруга в голубом купальнике все же смогла ее убедить.

Элен закончила натирать плечи и спину, и теперь перешла к ногам. Она выдавила на пальцы немного блестящего крема из маленького синего тюбика и не спеша продолжила свою работу. На левой ляжке подруги она тщательно смазала место вокруг белого шрама в виде трех пересекающихся галочек размером с ноготь большого пальца.

— Откуда у тебя этот шрам, Моника? — спросила она.

— Что? А, на ноге? Да это было очень давно, когда я была еще маленькой непослушной девчонкой — бегала и прыгала, где попало, и в конце концов налетела на стекло. А что, очень заметно? — В ее голосе зазвучала тревога. Она знала, что этот шрам портит ее красоту, а мужчинам редко нравятся девушки со шрамами.

— Да нет, Моника, он совсем крошечный, его случайно и не увидишь. Просто я сейчас дошла до этого места.

Моника ничего не ответила, и Элен поняла, что задела подругу за живое. За десять минут они не произнесли ни слова, и в наступившей тишине было слышно, как над ними перекликались чайки, медленно скользя в знойном воздухе

огромными ленивыми кругами. Море сонно плескалось о берег, ослепительно пенясь на гальке, а камушки недовольно ворчали и перекатывались вперед и назад.

— Ну, а это что? — прервала молчание Моника. В голосе ее послышалось возбуждение. — «Требуется молодая интеллигентная леди в качестве компаньонки к хирургу, вышедшему на пенсию. Подходящей кандидатуре будет предоставлено жилье. Зарплата оговаривается при встрече. Писать сэру Генри Уорду, поместье Борвуд». — Глаза у Моники заблестели. Элен не очень-то надеялась на эту работу и так прямо об этом и сказала. Но она могла поклясться, что на сей раз Моника всерьез решила попробовать поступить на службу.

Вечером в меблированных комнатах они снова и снова писали письма в разные места по объявлениям, и Элен вдруг осознала, что их трехлетняя дружба несомненно даст трещину, если их пути разойдутся.

Через несколько дней, когда подруги в гробовом молчании отчаянно пытались поймать в своих недомытых тарелках гнутыми вилками и тупыми ножами надоевшую яичницу с беконом, в их комнату проковыляла миссис Уолтон. Криво улыбнувшись, она вручила каждой девушке по письму, немного посопела на пороге и вразвалку двинулась назад. Прочитав письма, девушки поняли следующее: Моника должна была ехать на переговоры к сэру Генри, а Элен приняли на работу официанткой в местный клуб любителей гольфа.

В этот же день, пообещав писать друг другу, подруги расстались. Когда Моника высунула голову из окна уходящего поезда и прокричала последнее «прощай», у Элен появилось неясное чувство, что Монике не следовало бы уезжать, но почему оно вдруг возникло, она сказать не могла.

Через два дня Элен получила по почте открытку: «Дорогая Элен, меня взяли на работу. Сэр Генри — просто прелесть. Купаюсь в роскоши. Платят 20 фунтов в неделю. Привет, Моника».

«Двадцать фунтов в неделю! — с восхищением и недоверием подумала Элен. — Интересно, двадцать фунтов в неделю — за что?» — Она с горечью вспомнила о своих несчастных семи фунтах. И за них она как проклятая целыми днями носилась взад-вперед с маленьким подносом, уставленным сначала полными тарелками, потом пустыми тарелками, полными чашками, потом пустыми чашками, полными стаканами, потом пустыми стаканами, — и так час за часом, пока ее ноги, руки и спина не взывали о перерыве и отдыхе. Каждый вечер она бросалась в изнеможении на мятую постель и просматривала снова и снова

колонки «Требуются»: наверняка ведь должен быть более легкий способ зарабатывать себе на жизнь, и она во что бы то ни стало должна его найти!

На пятый вечер Элен едва успела просмотреть половину колонки, как вдруг почувствовала, что кровь застучала у нее в висках, сердце учащенно забилось, а глаза широко раскрылись от изумления. Может быть, ей все это мерещится? Может быть, ее усталость достигла того предела, когда чувства начинают обманывать мозг? Она снова медленно перечитала объявление, губами беззвучно повторяя про себя каждое слово, как школьник, который учится читать: «Требуется — молодая, интеллигентная леди в качестве компаньонки к хирургу, вышедшему на пенсию. Подходящей кандидатуре будет предоставлено жилье. Зарплата оговаривается при встрече. Писать сэру Генри Уорду, поместье Борвуд».

Но это же работа Моники! Работа за 20 фунтов в неделю! Неужели Моника отказалась от двадцати фунтов? Невозможно. И все же объявление написано черным по белому. Может быть, это не та газета? Невероятно, недельной давности… Она отыскала глазами число. Нет, газета сегодняшняя. Тут должно быть какое-то серьезное объяснение. Уж не заболела ли Моника так серьезно, что не может выполнять свою работу? Но Элен не могла успокоиться на этом, она знала: если бы Моника заболела, то вернулась бы назад, или дала о себе знать, или, по крайней мере, прислала бы за своими вещами.

В эту ночь Элен не удалось заснуть, она до самого утра напряженно раздумывала над самыми разными объяснениями, приходящими ей в голову, но, тщательно взвесив все, отбрасывала их одно за другим. К рассвету она так и не пришла к какому-либо определенному выводу, но тут, наконец, сон сжалился над ней, и последнее, что она решила, было стать самой «подходящей кандидатурой», устроиться на работу и там уж отыскать Монику.

* * *

— Садитесь, пожалуйста, мисс…

— Ллойд, Элен Ллойд, — подсказала она и уселась в мягкое кресло, обитое зеленой кожей, закинув ногу на ногу так, чтобы были видны ее красивые колени.

— Ах, да! Конечно, Ллойд… Простите, можно я буду называть вас Элен?

— Разумеется! — с готовностью согласилась она и изобразила на лице улыбку, которая должна была означать: «Я именно та девушка, которая вам нужна».

— Прекрасно. Значит, вы будете просто Элен.

Сэр Генри Уорд сидел за большим письменным столом из махагонового дерева. Его белоснежные волосы были безукоризненно зачесаны назад, подчеркивая строгие черты загорелого и все еще красивого лица. Ему было пятьдесят шесть лет, но на вид можно было смело дать лет на пять меньше. Он рано оставил свою профессию, с тем чтобы провести остаток жизни в развлечениях и роскоши, тратя деньги, доставшиеся по наследству. Ясные синие глаза сэра Ги внимательно изучали рекомендательное письмо Элен.

— Ну, Элен, — сказал он наконец, закончив чтение, — позвольте мне сначала рассказать вам кое-что о работе. — Он уставился на старинную медную лампу на столе и начал говорить так, будто предлагал работу не Элен, а этой лампе:

— Предполагается, что вы будете жить здесь же в поместье и всячески развлекать меня. Вы должны с умом обсуждать со мной разные мелочи, терпеливо выслушивать подробности операций, которые я когда-то проводил. — Он замолчал, улыбнулся лампе, потом повернулся в кресле, посмотрел в окно, которое находилось у него за спиной, и продолжил. — Играть со мной в теннис или крикет, — тут он перевел взгляд на бюст Гайдна, стоящий на книжной полке, — и в шахматы или в карты во время ненастья.

Наконец синие глаза остановились на Элен.

— Ну, что вы мне можете на это ответить?

Теперь, в свою очередь, улыбнулась Элен:

— Значит так, я была капитаном теннисной команды в колледже, а между матчами мы часто играли в крикет и в шахматы. Что же касается карт, — тут она на секунду замолчала и по-детски смущенно уставилась на свои туфли, — то я должна признаться, что в моей комнате собирались все картежники, после того как объявляли отбой. — После этой исповеди она просияла и закончила. — И я уверена, что буду в восторге от наших бесед, и с нетерпением жду рассказов с подробностями о ваших прошлых операциях.

Наступило молчание. Человек с синими глазами не сразу смог опомниться после такого стремительного и исчерпывающего ответа на все его предложения.

— Грандиозно! Грандиозно! Ну а теперь, Элен, что касается зарплаты: если вы и дальше будете продолжать так же, как показали себя только что, то думаю, что смогу предложить вам 25

фунтов в неделю. Что вы на это скажете?

Пока Элен рассыпалась в благодарностях и улыбках, ее мозг лихорадочно раздумывал о 25 фунтах. Почему на 5 фунтов больше, чем было у Моники? Что она могла делать такого, что было Монике не под силу? Почему, почему Моника отказалась от этой работы? Ведь тут, похоже, деньги швыряют куда попало просто так.

— Ну и хорошо, значит, договорились, — закончил сэр Генри. Он открыл дверь. — Гарпер! А, вот и ты! Покажи мисс Ллойд ее комнату. Она присоединяется к нашему маленькому обществу.

— Слушаюсь, сэр.

Гарпер ей сразу же не понравился. Это был низенький, толстый человечек с черными густыми бровями, нависающими над маленькими, глубоко посаженными глазками. Его сжатый рот с тонкими губами казался жестоким, а из широких ноздрей клочьями торчала седая щетина. Правда, комната Элен оказалась светлой и очень удобной, солнце заглядывало в два больших окна. Она распаковала свои вещи и сразу же почувствовала себя как дома. И в этот момент звук гонга сообщил ей, что пора идти обедать.

Сэр Генри восседал на противоположном конце длинного обеденного стола, покрытого синей льняной скатертью и обильно украшенного старинным серебром. Посередине стола возвышался огромный серебряный канделябр на пять свечей, и их пламя трепетало, освещая уютный зал. Гарпер отодвинул высокий резной стул, обтянутый красной кожей, и помог Элен сесть.

— Я надеюсь, что еда вам понравится. — Голос сэра Генри довольно странно звучал с другого конца стола, и Элен приходилось немного наклонять голову, чтобы улыбнуться ему в ответ. — Смею вас уверить, что Гарпер в кулинарии — настоящий чародей.

«Да уж, чародей, — подумала она. — С такой физиономией ему больше подошло бы сравнение с вурдалаком». Однако позднее Элен почувствовала, что была неправа по отношению к нему. Вытирая уголки рта накрахмаленной салфеткой, она поняла, что никогда еще не пробовала столь вкусного блюда. Гарпер готовил и подавал еду просто безукоризненно.

— Очень вкусно! — похвалила она повара, когда тот убирал со стола последние пустые тарелки. Гарпер только слегка кивнул в ответ, но выражение его лица при этом ничуть не изменилось. И опять Элен стало нехорошо, когда она увидела его огромные волосатые руки, орудующие перед самым ее лицом.

— Да, я думаю, Гарпер по праву гордится тем, что умеет делать кисло-сладкие отбивные по-китайски, — засмеялся сэр

Генри. — Я же предупреждал вас, что он чародей.

Когда Гарпер ушел, Элен снова почувствовала себя счастливой, и остаток дня они провели у большого камина. Она долго слушала о страшных подробностях искусства хирургии, а потом пожелала сэру Генри спокойной ночи и удалилась в свою комнату.

На следующее утро она проснулась со смутным чувством, что во время сна ей мешал какой-то звук. Но она никак не могла определить, откуда он шел. Может быть, это ей только приснилось, хотя она помнила, что один раз даже проснулась и увидела, как лунный свет, проникавший в комнату, освещал развешанные по стенам картины Джона Констебля. Дерево — вот оно что! Кто-то рубил дерево, ну конечно же. Кто-то, скорее всего Гарпер, колол за окном дрова, чтобы было чем топить камин. Успокоившись, она оделась и спустилась к завтраку.

Дойдя до большой винтовой лестницы, Элен вдруг остановилась. Как, ночью?! Рубить дрова при лунном свете — это же смешно! Но нужно взять себя в руки. Нельзя, чтобы страх перед Гарпером захватил ее полностью. Конечно же, никому не придет в голову рубить деревья в такое время. Это что-то другое, наверняка что-то другое, но только что?..

— Доброе утро! Боже мой, Элен, я напугал вас?

Она так погрузилась в свои размышления, что не заметила сэра Генри, идущего ей навстречу.

— О, доброе утро, сэр Генри, — быстро ответила она. — Нет-нет! Вы совсем меня не напугали. — «Ну давай же, спроси у него, — говорила она себе. — Не держи все внутри. Спроси его, выскажись. Ты ведь ничего плохого не совершила. А объяснение здесь наверняка самое простое!»

— Я просто… э-э-э… думала, — начала она, сбиваясь. — Ну, мне показалось, что я слышала какой-то… стук. Да, именно стук, ночью. Но я не совсем смогла понять, откуда… — Она запнулась и почувствовала, как краска заливает ее лицо. Она знала, что выглядит сейчас очень глупо. Веселая улыбка сэра Генри моментально погасла, глаза сузились, и он о чем-то задумался.

— Дорогая моя Элен, — сказал он с явным смущением, — пожалуйста, простите меня. Это все по моей вине. Если бы я знал, что мешаю вам спать, я бы сразу все прекратил.

— Да нет же, звук был не такой уж и громкий, — воскликнула она, — просто я очень удивилась, вот и все. Пожалуйста, не извиняйтесь.

Улыбка вернулась и глаза сэра Генри снова стали веселыми.

— Я не могу допустить, чтобы у моей гостьи были какие-то сомнения и догадки, верно ведь? — улыбнулся он. — Пойдемте,

милая, Гарпер все равно еще не приготовил завтрак. Что вы скажете, если я предложу вам разгадать эту тайну на голодный желудок?

Элен спустилась вниз. Она знала, что он смеется над ней, но теперь была уверена, что каким бы объяснение ни оказалось, оно должно быть очень простым и естественным, и, возможно, сэр Генри еще не раз будет подшучивать над ней по этому поводу. Все еще посмеиваясь, сэр Генри провел ее через столовую в большую кухню, где усердно работал Гарпер, готовя завтрак.

— Я хочу показать мисс Ллойд мою маленькую игровую комнату, Гарпер, — сказал сэр Генри.

Когда они вошли, Гарпер опустил свои толстые волосатые руки и послушно открыл им металлическую дверь в дальнем конце кухни.

— Спасибо, Гарпер. Вот сюда, мисс Ллойд.

Элен прошла через открытую дверь и случайно коснулась пальцами обезьяньей руки Гарпера. Дрожь пробежала по ее телу, когда она почувствовала прикосновение к своей нежной коже жесткой свалявшейся щетины повара. Она быстро прошла в комнату, чтобы отойти от Гарпера подальше, и там застыла в изумлении.

Она стояла в миниатюрной операционной. Сверкающие стальные инструменты аккуратными рядами лежали на длинных столах вдоль стен. В углу кипел большой стерилизатор, а посередине комнаты под изогнутой лампой стоял — нет, не хирургический стол, а страшный стол мясника для разделки туш.

— Мне не хватило денег, чтобы купить настоящий операционный стол, — засмеялся сэр Генри, следя за ее взглядом и как бы прочитав мысли. — Но мне кажется, что этот тоже не так уж плох.

Элен не верила своим глазам.

— Н-но это же не больница, — наконец выдавила она.

— Конечно же, нет, — ответил сэр Генри. — Но я не хочу терять свое искусство. Видите ли, Гарпер покупает на ближайшей ферме мясо в виде непотрошеных туш. Я хорошо знаю владельца фермы, и он только снимает с животного шкуру, а больше ничего не трогает, оставляя специально для меня. Затем Гарпер кладет купленное в морозильную камеру, — сказал он, указывая на большую дверь в стене. — А потом, когда нам нужно мясо, мы достаем одну тушу, кладем ее на этот стол, и начинается операция, — он похлопал рукой по столу. — Я думаю, ничего страшного в этом нет, ведь животное все равно уже мертвое, — в голосе сэра Генри скользнуло разочарование. Потом он продолжил: — Но мне это помогает: глаз мой по-прежнему точен,

и руки еще слушаются. — Он вытянул вперед руку, чтобы показать, насколько у него крепкие нервы. — Неплохо для пятидесяти шести, а? — победно спросил он.

Элен слабо улыбнулась, она никак не могла свыкнуться с обстановкой в комнате.

— В свое время у меня было много работы со скальпелем, — продолжал сэр Генри. — Но если хирург не имеет постоянной практики, то навыки его неизбежно теряются. Поэтому я каждый раз тщательно удаляю сердце, почки и так далее, короче — все, что нужно Гарперу для кухни, а потом… — он подошел к одному маленькому столику, и Элен нехотя посмотрела в его сторону, — я заканчиваю работу над тушей вот этими штучками, — сказал сэр Генри, поднимая со стола один из блестящих предметов. Элен уставилась на сверкающие хирургические топорики, пилы и большие ножи, похожие на те, которые она видела в лавке мясника. — Затем Гарпер снова кладет мясо в морозильную камеру, а то, что нам не нужно, он сжигает. — Сэр Генри гордо улыбнулся. — Ну, что вы об этом думаете?

Элен прокашлялась.

— Замечательно, просто замечательно, — сказала она и попыталась улыбнуться. — Я думаю, это очень хороший способ… э-э-э… не потерять свои способности.

— Вот и хорошо, я рад, что вам здесь понравилось, — сказал сэр Генри, повернувшись к выходу, и зашагал к двери. — Ну, пойдемте, милая, я думаю, теперь вы с удовольствием позавтракаете.

Элен в последний раз оглядела комнату и поспешила за ним.

— Я так поняла, что этот стук… — Она намеренно не закончила фразу.

— Да, это был я, боюсь, что вы правы, — ответил он. — Ампутация — довольно своеобразная работа, а я очень устал, да и было уже довольно поздно, так что я решил закончить работу просто топором. Надеюсь, дорогая моя, что мое маленькое хобби вас не очень расстроило, — сказал сэр Генри и озабоченно посмотрел на нее.

— Нет-нет, что вы, — успокоила его Элен, почувствовав себя гораздо лучше, как только они вошли в столовую.

— Вот и хорошо, — закончил он. — Но отныне я обещаю вам больше по вечерам этим не заниматься. Я не могу позволить себе обижать или как-либо беспокоить вас. — С этими словами он нежно похлопал ее по руке. — Мы уже готовы, Гарпер, — крикнул он в сторону кухни, и они уселись за стол.

* * *

Для Элен дни в поместье Борвуд неслись с ужасающей скоростью. Она наслаждалась каждой минутой: играла на солнце в теннис, плавала в маленьком подогреваемом бассейне, ела самые изысканные блюда — словом, купалась в роскоши, и, вдобавок ко всему, ей за это платили. Однако дни шли, и она стала чувствовать, что сэр Генри начал проявлять к ней особый интерес. Сначала он просто дружески пожимал ей руку после теннисных матчей. Потом во время прогулок несколько раз брал ее за руку или за плечи, показывая какие-нибудь достопримечательности пейзажа или летящих птиц. Один раз он даже слегка обнял ее во время такой пешей прогулки по поместью. Элен заметила, как внимательно он рассматривает ее, когда она одета в теннисный костюм или, в особенности, в купальник.

Она начала чувствовать себя неловко. Неужели сэр Генри влюбился в нее? А может быть, он из тех, кто может воспользоваться беззащитностью девушки в доме, когда она меньше всего этого ожидает? Внезапно страшная мысль мелькнула в ее голове: может, именно из-за этого и уехала Моника? Наверное, он сказал ей что-нибудь о своих чувствах, и тогда она высказалась в его адрес. Да, это было очень похоже на правду и становилось понятным, почему зарплата была повышена — зарплата служила приманкой для девушек. Теперь все вставало на свои места. А вчера, когда они плавали в бассейне, сэр Генри вдруг неожиданно нырнул под воду, подплыл к ней сзади и схватил ее за ноги. Что это было простая шутка, или же он хотел приблизить ее к себе, лишний раз дотронуться до нее? Хотя, несмотря на все, Элен должна была сознаться, что ей было приятно ощутить эти сильные руки, хватающие ее. Ведь он ей тоже по-своему нравился. А почему бы и нет? Многие девушки отдали бы что угодно за то, чтобы выйти замуж за богатого человека с титулом. Ему пятьдесят шесть, но душой он молод и выглядит неплохо. Это просто находка, и если он захочет поделиться с ней своим состоянием, то она не будет против.

Сделав такое заключение, Элен направилась к дому. И вот еще о чем она подумала: «Если я стану его женой, то мне больше не надо будет бояться волосатого Гарпера. Если я захочу, то смогу и уволить его». В этот день за обедом она была необычайно любезна с сэром Генри и недвусмысленно улыбалась ему всякий раз, когда он смотрел на нее. Он был в прекрасном настроении и смеялся над своими собственными шутками и анекдотами, и Элен еще раз подумала о том, что если он предложит ей выйти за него

замуж, то она определенно скажет ему «да».

Гарпер поставил перед ней большое блюдо с отбивной и такое же — перед сэром Генри. Потом, вежливо откашлявшись, сказал:

— Боюсь, сэр, что это последний кусок мяса, сэр.

— Не может быть, — весело удивился сэр Генри.

— Боюсь, что так, сэр, — подтвердил Гарпер.

— Ну, хорошо! Тогда завтра, Гарпер, тебе придется идти на ферму.

— Слушаюсь, сэр. — Гарпер слегка поклонился и удалился на кухню.

Элен отрезала кусочек великолепно приготовленной отбивной. Как всегда, мясо было нежное и вкусное. Оно оказалось настолько вкусным, что Элен молчала все время, пока не съела почти весь кусок.

— Мне кажется, что это самая вкусная отбивная, которую я когда-либо… э-э… — неожиданно она запнулась. Отрезав последний кусочек мяса от толстой подрумяненной кожи, она откинула кожу на тарелку, та перевернулась, и перед глазами Элен появился знак в виде трех пересекающих галочек размером с ноготь на большом пальце.

Нож и вилка со звоном выпали из ее трясущихся рук, кровь прихлынула к голове и застучала в висках, рот беззвучно раскрывался и закрывался. Она сидела на стуле, как парализованная, и не видела перед собой ничего, кроме трех пересекающихся галочек на куске прожаренной кожи. Откуда-то издалека доносились голоса, ее окутал черный туман.

— Гарпер, скорее сюда. Мисс Ллойд!

— Что с ней случилось, сэр?

— Не знаю. Она смотрела в тарелку.

Сильные руки подхватили ее и унесли прочь, подальше от недоеденной отбивной с расплывшимся белесым шрамом. Эти руки резко бросили ее на что-то твердое. Сквозь туман она смутно увидела перед собой вспыхнувший яркий свет. Потом волосатые руки начали снимать с нее одежду. Она хотела остановить их, но не могла. Затем она почувствовала, как сильные гладкие руки хватают ее за разные части тела, как хватали тогда ее ноги в бассейне. И снова голоса:

— Прекрасный экземпляр, Гарпер!

— В самом деле, отличный экземпляр, сэр.

— И не надо утром идти на ферму, Гарпер.

— Вы правы, сэр.

— Тогда начинаем?

— Все готово, сэр.

— Отлично, грандиозно! За работу…

— Скальпель!

— Вот скальпель, сэр.

— Большую пилу!

— Большая пила, сэр.

— Элен, Элен, проснись! — Голос, доносившийся из темноты, показался знакомым. Она приоткрыла глаза и замигала в приглушенном красноватом свете. Оголенная красная лампочка бросала тусклый алый свет на стены большой незнакомой комнаты. Здесь она раньше не была. Затуманенный мозг лихорадочно силился припомнить все, что было до того, как она потеряла сознание. Ее передернуло при воспоминании о прикосновениях к телу отвратительных волосатых рук Гарпера. И опять тот же голос:

— Элен, это я, Моника, я здесь, у стены.

Элен повернула голову и попыталась всмотреться в красную темноту.

— Моника! — с облегчением воскликнула она. — А я думала, что ты умерла. О, Моника, как я счастлива, что ты жива!

— Ну-ну. Может быть, ты и счастлива, но я-то уже точно нет. Да и ты тоже после сегодняшней ночи перестанешь быть счастливой. Взгляни-ка на меня еще разок.

Удивленная таким ответом, Элен попробовала еще раз напрячь зрение, чтобы получше разглядеть подругу. Увидев Монику полностью обнаженной, она вскрикнула. Потом ее крик перешел в задыхающийся вопль: она рассмотрела ее — та была похожа на Венеру Милосскую из Парижа. Обе ее руки были ампутированы по самые плечи, а ноги — выше колен. Моника висела на стене, поддерживаемая толстым кожаным ремнем, продетым под грудью.

— Боже мой, Моника, — застонала она. — Что они с тобой сделали?

Моника ничего не ответила, а просто отвернулась. Только теперь Элен почувствовала, как что-то удерживает ее около живота. Инстинктивно она хотела убрать это «нечто» рукой, и тут же увидела что-то белое, невысоко взметнувшееся сбоку. То, что она увидела, заставило ее забыть о животе. Там, где должна была находиться ее правая рука, в красном свете виднелась лишь торчащая из плеча забинтованная культя. Она пронзительно закричала, увидев, что такая же культя торчит и с левой стороны. Кровь прилила к голове и застучала, а она все кричала и кричала, и молила, чтобы только ей очнуться от этого кошмара. Тело ее содрогалось от рыданий, она взглянула на свою голую грудь, и там, ниже кожаного ремня, перехватывающего талию, увидела

вместо ног два забинтованных обрубка.

Глаза ее были полны слез, когда яркий свет неожиданно залил всю комнату. Сквозь пелену она разглядела смутные силуэты доктора Уорда и его маленького мерзкого слуги Гарпера.

— Боже мой, Элен, вы не должны так расстраиваться, милая моя, — донесся до нее голос сэра Генри. — Вы должны быть храброй, как Моника. Скоро вы привыкнете к этому, правда же, Моника?

Она услышала, как в ответ Моника разразилась потоком ругательств, но голос доктора оставался таким же спокойным и невозмутимым:

— Пока я займусь с мисс Ллойд, ты, Гарпер, отстегни Монику и отнеси ее ко мне в спальню.

— Обязательно, сэр.

В углу комнаты послышалась возня. Когда слезы немного просохли, Элен увидела, что она находится наедине с доктором Уордом. Он начал аккуратно срезать с нее бинты маленькими блестящими ножницами, а Элен, обезумевшая от потрясений, молча смотрела на него, как загипнотизированный зверек.

— Видите ли, Элен, в течение нескольких месяцев вы находились под сильным наркозом, поэтому некоторое время вы будете ощущать легкую слабость. — Его голос звучал на редкость спокойно, как будто он рассматривал воспаленное горло. — Отлично! — воскликнул он. — Все прекрасно зажило.

— Вы мясник! — яростно крикнула ему Элен.

— Ну-ну, полноте, успокойтесь, милая. Я думаю, что более подходящее здесь слово — «художник», вы не считаете?

— Мясник, головорез, убийца! — кричала Элен изо всех сил.

Сэр Генри насмешливо улыбнулся и похлопал ее по горящей щеке.

В этот момент появился Гарпер.

— Устроена в кровати и ждет, сэр, — выкрикнул он в дверях.

— Замечательно, превосходно! Спасибо, Гарпер. Я думаю, что мисс Ллойд готова для тебя, можешь снимать пробу. Спокойной ночи, Элен, спокойной ночи, Гарпер.

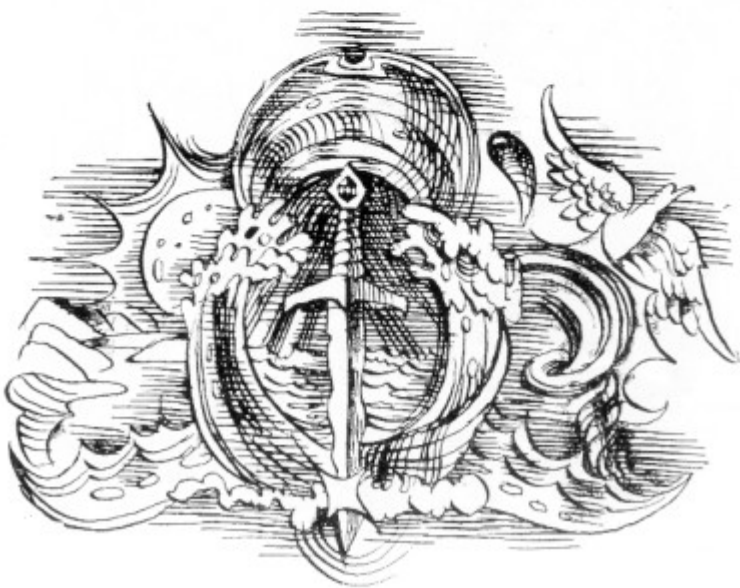
Когда сэр Генри уходил, Гарпер почтительно поклонился и произнес ему вслед «Спокойной ночи, сэр». Но когда он снова поднял голову, в глазах его был уже новый блеск, которого раньше Элен никогда не видела. В отчаянии она прижала голову к каменной стене, закрыла глаза и завизжала. Розовые культи беспомощно завертелись в воздухе, а волосатые руки Гарпера погладили ее кожу, и он расстегнул толстый кожаный ремень.

Безил Коппер
Янычары из Эмильона

БЕЗИЛ·КОППЕР

ЯНЫЧАРЫ ИЗ ЭМИЛЬОНА

·1967·



I

Уже третий раз подряд он проснулся на рассвете вспотевший и испуганный. Подробности сна ярко вставали перед его мысленным взором. Руки судорожно сжимали железную перекладину на спинке кровати, а капли пота так сильно

пропитали постельное белье, что это никак нельзя было отнести на счет августовской ночной духоты.

Он лежал, не шевелясь, и медленно приходил в себя, с трудом узнавая привычную обстановку своей скудно обставленной меблированной комнаты с кремовыми стенами. Было всего пять часов утра, и одиночные крики только что проснувшихся птиц проникали в спальню сквозь зеленую завесу сада. Но слух его был все еще занят тихим шелестом морского прибоя.

Сон начался как всегда неожиданно. Но детали его казались необычайно ясными и повторялись уже несколько раз, причем каждое повторение добавляло к видениям, возникавшим в его сознании, новый слой, так же, как художник понемногу добавляет краски на холст, рисуя картину.

Не так давно Фарлоу поместили в Гринмэншен, который является, говоря без преувеличений, фешенебельным домом для душевнобольных. У директора клиники имелась подробная история болезни Фарлоу, которая весьма заинтересовала его, но по определенным причинам исход этого случая содержался в строгой тайне от всех.

Фарлоу был моим старым приятелем, и эту историю я собрал по многочисленным рассказам, услышанным как от него самого, так и от доктора Сондквиста — директора клиники, замечательного психиатра, занимающегося особенно тяжелыми и необычными случаями Фарлоу был интересным человеком во многих отношениях; возможно — чересчур чувствительным и восприимчивым, но в своей области — теоретической физике — он был просто гениален. В Гринмэншен он попал по своей собственной просьбе для «отдыха и наблюдения». Я часто навещал его там, как только у меня выдавалось свободное время. Но начало этой истории мне довелось услышать гораздо раньше, еще до того, как он решил принять «крайние меры». Все это походило на довольно странную сказку, и, если принять во внимание ее неожиданный и жуткий конец, — ни на что не похожую сказку.

Все началось, как он рассказывал мне, довольно прозаично и банально. Это случилось где-то шесть месяцев назад, когда он стал, по его словам, слишком много работать. Фарлоу проводил долгие часы в лаборатории, питался второпях, а по вечерам допоздна засиживался над расчетами, которые сильно перегружали его мозг и всю нервную систему. Однажды вечером он вернулся домой особенно уставшим, и посте нескольких часов, безуспешно проведенных над решением одной сложной задачи, отложил свои замысловатые формулы и отправился спать.

Было уже около часа ночи — не самое подходящее время для обильного ужина. Однако Фарлоу добавил к своей поздней трапезе еще добрую пинту черного кофе. Он совершенно не заботился о том. что и когда пихает в свою утробу. К тому же с самого утра он почти ничего не ел. Занятия наукой совсем не оставляли ему времени для поисков нежной подруги, и ему так и не удалось жениться; ухаживала за ним суровая экономка, но ее рабочий день кончался в девять часов.

Равнодушно проглотив плотный и вредный для организма ужин, Фарлоу запил его крепким кофе и медленно двинулся в спальню. В голове его гудело от усталости, и к тому же он был сильно расстроен тем, что несмотря на долгие расчеты задача ему никак не давалась. Поэтому вполне естественно, что спал он плохо и все время ворочался, и только около трех часов ночи сон, наконец, полностью овладел им. Но тут ему неожиданно показалось, что он проснулся. Я думаю, подобные моменты время от времени переживает каждый: нам просто снится, что мы бодрствуем. Мы считаем, что не спим, но подсознательно все же знаем, что находимся В состоянии сна. Это же я и напомнил Фарлоу, когда он впервые начал рассказывать мне о своих видениях. Однако он возразил мне, сказав, что хотя он и спал, но был абсолютно уверен, что не спит.

Дело в том, что все казалось слишком уж живым и реальным, каждое ощущение и прикосновение во сне были настолько настоящими, что потом его собственная комната и повседневная жизнь казались ему смазанными и расплывчатыми. Создавалось впечатление, что ночью он пробирался в другую жизнь, которая была более непосредственной и интересной, чем реальный мир. То, что мир его снов был местом страха и ужаса, еще не доходило до него. Фарлоу верил даже в физическое существование этого мира, хотя исследование малоизученных районов Земли по картам не принесло ему никаких успехов.

И несмотря на то, что некоторые подробности его сна, как я буду все время называть это состояние, несли в себе страшную угрозу и смертельную опасность, Фарлоу был убежден, что если бы ему удалось стереть эти зловещие тени, то он был бы много счастливее любого человека, наслаждающегося жизнью только в этом мире.

Теперь я хочу подчеркнуть, что психически Фарлоу бил совершенно нормален, как вы и я, возможно, даже более нормален, так как работа ученого требовала от него тщательного взвешивания каждого грана истины и скрупулезного применения строгих логических методов. Никогда, даже во время пребывания в Гринмэншен, он не проявлял никаких психических отклонений,

за исключением, разве что, рассказов о своих снах. Это не раз охотно подтверждал и доктор Сондквист.

А уж что касается снов, то кроме самого Фарлоу оспаривать правдивость этих рассказов было некому, потому что он был единственным, кто мог серьезно судить о реальности своих видений. Вспоминая конец этой жуткой истории, я думаю, что Фарлоу был самым нормальным человеком из всех нас. А если это так, то какие же ужасы скрываются за занавесом того, что мы называем сознанием! Пожалуй, они могут испугать и заставить задуматься даже самых смелых из нас, которые пока еще, к великому своему несчастью, критикуют и высмеивают таких людей, как Фарлоу. Лично я считаю, что благодаря своей феноменальной сверхчувствительности и восприимчивости он просто переступил границы возможностей простых смертных, и занавес сознания приоткрылся для него или просто растворился каким-то непонятным образом.

Итак, чтобы все стало понятно, я расскажу, что же произошло. Когда Фарлоу, наконец, окончательно проснулся, было всего десять минут четвертого. Он посмотрел на часы и понял, что с момента его прошлого пробуждения прошло ровно десять минут. Но несмотря на это, впоследствии он со всей серьезностью ученого уверял меня, что его сон продолжался не менее трех часов. Это звучало смешно и неубедительно, потому что хорошо известно, что для спящего секунда или две могут растянуться во сне на целую вечность, и за ничтожную долю мгновения перед тем как проснуться от громкого звука, человек видит во сне целую цепь событий, связанных с происхождением этого звука, которые придумывает его мозг в кратчайший отрезок времени.

И хотя все это, несомненно, так, я не мог не учитывать замечаний Фарлоу о последствиях его снов. А поскольку я искренне верю в глубокую обоснованность его наблюдений, в чем однозначно убеждает и весь дальнейший ход событий, то я все же склонен считать, что мой приятель был совершенно прав — он спал и одновременно бодрствовал, и вот что ему пришлось пережить: он страшно замерз, находясь в воде, и в тот момент или немного раньше был в смертельной опасности. Порядочно нахлебавшись соленой воды, он теперь откашливался, барахтаясь на мелководье. Фарлоу чувствовал, что пальцы его ног дотягиваются до песчаного дна, и когда он открыл глаза, то обнаружил себя невдалеке от дикого безлюдного берега. Из последних сил он выбрался на сушу и повалился на белый волнистый песок. Лежа на боку на пустынном пляже и продолжая кашлять, он наблюдал, как заря постепенно окрашивает небо в розовый цвет.

На этом сон оборвался. Фарлоу проснулся, или, точнее вернулся назад в свою комнату, содрогаясь от ужаса. Когда он в страхе кинулся к выключателю, чтобы взглянуть на часы, то увидел, что ступни его ног были в песке, а пижама оказалась насквозь пропитанной холодной соленой водой.

II

Легко можно представить себе реакцию Фарлоу на этот кошмар. Но только ему одному дано было до конца понять, какой страшный удар по всей его нервной системе нанес этот сон. Прошло несколько месяцев, прежде чем он осмелился впервые поведать мне о своем странном «путешествии по ту сторону занавеса», как он назвал это событие. Две ночи после этого жуткого «пробуждения» он боялся заснуть, а на третью до того утомил себя, что у него не осталось сил уже ни на какие сновидения.

Около недели его сон был совершенно нормальным, а потом произошло повторение случившегося. Фарлоу лег спать вскоре после полуночи и сразу же впал в состояние «пробуждения». Опять он барахтался на мелководье, опять с трудом выполз на сушу, но на этот раз видение, или как вам угодно, длилось несколько дольше. Он лежал на берегу и откашливался, время от времени открывая глаза. Когда он открывал их, то видел встающее солнце и сознавал, что находится на Востоке. Но это был не сегодняшний Восток, а Восток времен глубокой древности.

И как только в дымке утреннего тумана появился красный шар солнца, картина внезапно исчезла, как будто дверь в другой мир захлопнулась, и Фарлоу проснулся в собственной кровати, опять насквозь промокший. Именно в это время он проконсультировался со своим приятелем — врачом, который, конечно же, ничем не смог ему помочь. Разумеется, Фарлоу не стал рассказывать ему все до конца, поскольку не хотел, чтобы его сочли сумасшедший. А как раз без учета страшного момента пробуждения можно было подумать, что его просто преследует повторяющийся кошмар, что, впрочем, встречается довольно часто.

Для постороннего наблюдателя трудно постичь все мучения, которые пришлось пережить моему приятелю в те дни. Ведь даже для обычного человека все это показалось бы странным, а Фарлоу был ученым, и его мозг за долгие годы работы приучился автоматически отвергать подобные явления. Ведь они не

согласовывались ни с какими законами природы, и тем не менее имели место.

Третий сон был повторением двух предыдущих, но, к радости Фарлоу, начался он с того, что тот уже лежал на песке. Солнце стояло чуть выше, и туман начинал постепенно рассеиваться. Как это ни странно, во сне у Фарлоу сохранился страх, что он может утонуть, но в то же время он полностью забыл все физические ощущения того, что когда-то находился в воде. С учетом этих так называемых сведений, да еще прибавив сюда солнечную жару. Фарлоу подсчитал, что лежит на берегу уже около трех часов.

Таким образом, он пришел к заключению, что его сны прогрессируют во времени, и если так будет продолжаться, то все это станет напоминать кино, которое показывают многократно, но каждый раз захватывая новый кусок пленки. Этот вывод потребовал от него длительных рассуждений, потому что его мозг в бодрствующем состоянии упорно отвергал всякие мысли о возможном реальном смысле этих снов. В четвертом сне солнце поднялось еще выше, туман почти совсем растаял, и перед тем как проснуться в своей комнате двадцатого века, он увидел, что одет в какую-то льняную рубаху допотопного покроя с глубоким вырезом на груди.

Нижняя часть его тела была облачена в мешковатые штаны из темного материала, которого раньше он никогда в жизни не видел, и, как и прежде, ноги были босые. Самым странным и необычным в этом сне было следующее: после первых трех снов он просыпался вымокший в чем-то, весьма похожем на морскую воду, теперь же кожа его была лишь чуть влажной. Тогда Фарлоу начал рассуждать о том, что его переживания во время сна имеют физическую, рациональную основу, и отсюда он заключил, что солнце, под которым лежала его другая личность, и высушило его.

На этой стадии он все еще пытался разумно объяснить свои кошмары, и одна мелочь, очень сильно занимала его — каким образом одна деталь из мира его сна может переходить в реальную жизнь, а другая нет. Он имел в виду, конечно же, воду на коже, которую легко можно было заметить при пробуждении, и в то же время просыпался он при этом в своей пижаме. Ведь если вещества переносились из сна в другое измерение по одному и тому же закону, то тогда, теоретически, он все равно должен был очнуться в рубахе и штанах старинного покроя.

На этом этапе его аналитический ум претерпел существенные изменения, и появился еще один вопрос: что происходило с его пижамой и где вообще она была в то время, когда он лежал на берегу? Или же существовало одновременно две личности в

разных плоскостях? Но, к великому сожалению Фарлоу, все эти рассуждения неумолимо сталкивались с железным барьером логических правил, и правила эти терпели крах всякий раз, как только он пытался применить их к данным обстоятельствам — будь то мир сна или мир реальности. Граница между двумя мирами постепенно стала весьма размытой.

К тому моменту как Фарлоу решил наконец посвятить меня в свою тайну, все это продолжалось уже несколько месяцев. Он всегда был худощавым и нервным человеком, а происшествия последних недель добавили к его внешности еще и темные круги под глазами, и теперь он выглядел особенно изможденным и в то же время психически взвинченным как никогда. После нескольких вечеров полусвязных намеков и недомолвок, он, наконец-то, начал изливаться передо мной, и тогда уж его было не остановить. Мысли его прорывались наружу, подобно пару из кипящего котла.

Больше всего Фарлоу боялся, что я приму его за ненормального, но после нескольких вечеров бесед и расспросов я рассеял его опасения на этот счет. Если когда-то и существовал абсолютно здоровый в психическом отношении человек, так это был, несомненно, именно он. За несколько встреч Фарлоу рассказал мне первые полдюжины своих снов, которые привели его к песчаному берегу. Там было тепло и спокойно; он лежал на горячем песке, а так как теперь все сны начинались с того, что он уже находился на пляже, то никаких физических неудобств это ему не доставляло, чем он и был очень доволен.

До сих пор, как ему казалось (хоть он и не всегда сверялся с часами), сон длился для него около трех часов, хотя в настоящем мире это время всегда равнялось десяти минутам. До поры до времени он не видел в этом какого-то особого смысла, но сделал одно интересное замечание: если бы первый сон начался с более раннего момента, например, с того, что он плывет еще далеко в море, за несколько миль от берега, то он не успел бы выбраться на сушу за три часа, отпущенных ему сном, и при таких условиях непременно бы утонул. Я не понимал, как он смог прийти к подобному выводу, и решил, что настала пора отвлечь его внимание от этих мрачных рассуждений. Но хотя я говорил искренне и, как мне казалось, убедительно и по существу дела, он вздохнул и сразу же напрочь отмел те мои доводы. Он был просто уверен в том, что это могло произойти, и никакие слова не могли его разубедить.

Тогда я спросил Фарлоу. не считает ли он, что после его возвращения в наш мир в кровати был бы обнаружен утопленник, и он совершенно спокойно ответил мне, что это было бы именно

так. Это глубоко поразило меня и побудило расспросить его еще кое о чем. По его рассказам выходило, что его физическое тело отсутствует в комнате во время таких сновидений, и я предложил ему подежурить в спальне, если это принесет какую-нибудь пользу. Но он сразу же отверг мое предложение, не давая при этом никаких объяснений и как-то странно посмотрев на меня. Я подумал, что он боялся любого постороннего вмешательства, даже идущего из добрых побуждений, так как оно могло усложнить его «возвращение» в наш мир.

Я не стал настаивать, потому что ясно видел, насколько серьезный оборот начало принимать это дело. На следующий вечер я снова пришел к Фарлоу. Он выглядел более спокойным и рассуждал вполне разумно. Эту ночь он спал без сновидений. Через несколько дней мы продолжили наши беседы. Теперь его сны начинались с того, что он лежит на берегу уже достаточно отдохнувший, и солнце даже успело высушить ею одежду. Песчаный берег простирался на несколько миль, и, хотя никаких сколько-нибудь значимых ориентиров в пределах видимости не было, Фарлоу не покидало ощущение, что он находится на Востоке, причем в какие-то давние времена. Раз за разом солнце поднималось все выше, туман рассеивался, волны лениво выползали на белый раскаленный песок, и постепенно на востоке, вдалеке, на самом горизонте, сквозь туман стали проглядывать шпили какого-то города.

В течение всей серии снов Фарлоу не знал, ни кем он является, ни как очутился в море и что делал на берегу. Одет он был всегда в льняную рубаху и темные штаны, а просыпался неизменно сухой и в пижаме. Кроме того, каждый раз появлялось одно и то же соотношение времени во сне и в реальности — три часа и десять минут.

Страх перед сном еще не появился в нем, и сны являлись примерно одни раз в неделю, хотя иногда бывало и по два раза, и по развитию событий каждый последующий сон заходил чуть дальше предыдущего. Обычно эти видения посещали его тогда, когда он был сильно утомлен, во всяком случае в такие дни ему казалось, что преграды реальности разбиваются быстрее. Приятель-врач был по-прежнему не в состоянии чем-либо ему помочь. Тогда-то Фарлоу и решил захватить с собой в реальный мир что-нибудь с берега из мира сна, если только физически это окажется возможным. Он поведал мне об этом намерении как-то вечером, когда мы, по своему обыкновению, сидели в его кабинете после сытного ужина. Я отметил про себя, что такое признание стоило ему немалых усилий.

Когда мы увиделись в следующий раз, то первое, о чем я

спросил его, едва находя нужные слова, было — удалось ли ему это сделать? Он ответил не сразу, одарив меня долгим пристальным взглядом. Глаза Фарлоу показались мне глубочайшими пещерами, в которых таилось какое-то страшное знание. Немного помедлив, он утвердительно кивнул. Потом резко встал и подошел к письменному столу. Отперев ящик стола, Фарлоу вынул оттуда какой-то предмет, завернутый в белую тряпку, и положил его на столик передо мной.

— Посмотрите вот на это, — сказал он. — Не волнуйтесь, здесь нет ничего страшного.

Должен признаться, что рука моя сильно дрожала, пока я разворачивал этот предмет. Возможно также, что когда я увидел его, то вид у меня был разочарованный или непонимающий, но Фарлоу сидел неподвижно, совершенно спокойный, и мрачно улыбался. Передо мной лежал небольшой красноватый камень около шести дюймов в длину, трех в ширину и весом где-то около двух фунтов. Я ничего не понимал.

— Не хотите ли вы сказать, что принесли это из своего сна? — спросил я. Ничего более банального я высказать не мог, но удивление мое возросло еще больше, когда мой приятель ответил:

— Да. Именно это я и хочу сказать.

На сей раз я не мог придумать никакого ответа, который не казался бы идиотским и не ставил под сомнение его нормальность, поэтому я повертел камень в руках и добавил:

— Вы давали его кому-нибудь посмотреть?

Фарлоу снова кивнул.

— Смитерсу. Это один из лучших наших геологов. Он был очень заинтересован и сильно удивлен, сообщив мне, что камень этот — времен Иисуса Христа. Но он никак не мог понять, почему с того времени в нем не произошло процесса эрозии.

Мы долго глядели друг на друга. Потом я взял стакан и Фарлоу налил в него довольно крепкую смесь виски с содовой. Мне нечего было ему сказать.

III

Как раз после невероятного рассказа Фарлоу мне пришлось уехать на некоторое время по делам, и, хотя я писал ему письма, прошло более трех недель, прежде чем нам удалось встретиться с ним с глазу на глаз. Несмотря на то, что мы не виделись не так уж и много времени, в его лице успели произойти какие-то

неясные перемены. Прежде всего, меня обеспокоило то, что в глазах у моего друга появилась непонятная затаенная тревога и страх. Через день или два мы смогли основательно поговорить, но лишь после нескольких вечеров он начал вводить меня в курс дела, хотя о том, что сны продолжаются, намекнул еще при первой же встрече.

Событии в снах разворачивались своим чередом; я знал об этом, хотя Фарлоу уже и не так охотно, как раньше, вдавался в подробности. Но теперь видения стали приобретать зловещий оттенок. Он находился на берегу, полностью пришедший в себя после происшествия в море, хотя о случившемся в воде он помнил во время сна достаточно смутно. Он так и не узнал, кем он был, и не смог определить местонахождение берега. Солнце стояло гораздо выше, и туман почти совсем рассеялся. Башни и шпили далекого города проглядывали сквозь волнующую утреннюю дымку, и на сердце у него было легко и светло.

Через некоторое время Фарлоу посвятил меня в содержание целой серии новых снов, которые становились все тревожнее, и в конце концов вся атмосфера ночных видении стала окрашиваться страшными тонами. Фарлоу не помнил, как он впервые осознал это, но в течение десяти дней в его мозгу понемногу сложилось название города — Эмильон. Теперь сны являлись к нему почти каждую ночь, и каждый раз все начиналось с того, что он сидел на берегу, небо светлело, туман рассеивался и прекрасный город появлялся из дымки.

По рассказам Фарлоу, красота Эмильона была просто неземная, она наполняла радостью и счастьем все его существо. А так как в каждом последующем сне он все более крепчал, то вскоре смог бегать по песчаному берегу и даже заходить в теплую воду, наблюдая высокие золотые шпили города через неглубокий залив.

Единственное, с чем можно сравнить Эмильон, говорил Фарлоу, так это с Мон-Сан-Мишелем, когда на него падают лучи утреннего весеннего солнца, но если даже он и красив по земным стандартам, то несомненно блекнет в сравнении с городом его снов.

— Умножь красоту Мон-Сан-Мишеля раз в сто, и тогда получишь Эмильон, — просто сказал мне как-то Фарлоу, и его мрачное лицо при этом сразу же прояснилось.

Даже днем, в моменты бодрствования, название «Эмильон» наполняло его душу тихой радостью, и он часами просиживал над древними картами и атласами, в основном средневековыми, но все безуспешно. Город Эмильон, очевидно, находился в вымышленной стране. И вот однажды, примерно за неделю до

моего возвращения, в снах произошла перемена. Знамена, башни и шпили Эмильона были видны через залив шириной немногим более мили. Полоса воды отсвечивала розовым и золотым в лучах восходящего солнца, а небольшие волны бороздили теплое бирюзовое мелководье. Из рассказа я также понял, что в городе находилась женщина, которую Фарлоу любил.

Насколько я смог судить, сам он пока смутно догадывался об этом, но с каждым новым сном нежное чувство все глубже проникало в его сердце. Имени ее он не знал, а сознавал только то, что любит ее, а также то, что ему надо во что бы то ни стало попасть в Эмильон. И все же, как это бывает в снах, даже в таких ярких и реальных, как у Фарлоу, он никак не мог ускорить события. Он был не в силах просто взять и пойти в город, как сделал бы это в реальной жизни. Сон сам с каждой ночью понемногу продвигал его вперед по дороге событии. С каждым разом он все ближе подходил к пенящемуся заливу, отделявшему его от города. И тут в пейзаже появилось маленькое изменение.

Взглянув на башни Эмильона, Фарлоу заметил слабый белый туман у их подножья, будто бы легкая дымка легла на границе воды и города. Туман поднимался от песка под городскими стенами на расстоянии полутора миль от него. И хотя туман этот казался застывшим, Фарлоу каким-то образом понял, что на самом деле он движется с невероятной скоростью. Это сильно обеспокоило его. Легкий ветерок смел последние намеки утренней дымки, зависшей над морем, и необычный страх поселился в сердце моего приятеля. Он остановился и с растущей тревогой всмотрелся в белое облачко на горизонте. И тут же проснулся с ощущением дикого ужаса. Лоб его покрывали капли холодного пота.

Следующей ночью он боялся заснуть, но сон все равно одолел его. И опять он оказался на берегу и вглядывался вдаль, туда, где появился странный белый дымок, скользящий со скоростью птицы. Теперь Фарлоу показалось, что облачко несколько приблизилось к нему. Налетел ветер, и он снова почувствовал в глубине души страх, который никак не хотел исчезать, и вновь очнулся в холодном поту. Сны продолжались, и каждый раз он видел одно и то же: каждую ночь Эмильон сверкал перед ним через пенящийся мелкий залив, но белая полоска дыма теперь стала намного ближе, и тут начали проявляться детали.

Опять задул прохладный ветерок, и Фарлоу показалось, что в шуме ветра с небес донесся шепот. То, что он услышал в крадущемся шорохе, было: «ЯНЫЧАРЫ ИЗ ЭМИЛЬОНА!» И, пронзительно закричав, он тут же проснулся.

IV

— Ну и что вы об этом думаете? — уже в четвертый раз спрашивал меня Фарлоу. Я зажег сигарету и заметил, что рука моя немного дрожит.

— Янычары — это что-то вроде мамелюков, да? — наконец произнес я.

Фарлоу кивнул и достал с полки толстый том.

— Я сразу же посмотрел, что это такое, — сказал он и зачитал из книги несколько строчек. Оказалось, что янычары — это отряды пехотинцев в древней Турции, составлявшие охрану турецких султанов. Отменены в 1826 году. В книге давались и другие определения: «личное орудие тирании» и «безжалостные солдаты-убийцы».

Когда он закончил читать, я принял серьезный вид.

— Но как же тогда связать их с временами двухтысячелетней давности и с Востоком? — сразу же спросил я, не дав Фарлоу заговорить первым.

— Янычары — очень древние отряды, — услышал я его спокойный ответ. — И назывались они по-разному. В давние времена такие солдаты ездили верхом и действовали подчас далеко за пределами Турции, в том числе — на Ближнем и Среднем Востоке. Не надо забывать также, что Турция была тогда восточной империей. И лишь только со времен Ататурка…

— Все это очень хорошо, — перебил я. — Но тем не менее вы не должны так серьезно воспринимать свой последний сон.

Фарлоу резко вытянул руку вперед, жестом останавливая мои излияния. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять, что он крайне серьезен.

— Вы же так и не выслушали меня до конца, — тихо ответил он. — После этого сна было еще несколько.

Короче говоря, спящая личность моего приятеля стояла на берегу, а видение менялось с каждым часом. Белое облачко росло и наконец превратилось в кучу темных точек, над которой вздымалась полоса пыльной дымки. В следующем сне он заметил струйки воды, взметнувшиеся вверх, когда непонятная масса вошла в залив, отделяющий ее от Фарлоу. И тот самый страх, который не выходил из его сердца, вновь пронзил моего друга, когда прохладный ветерок опять донес до него шепот: «ЯНЫЧАРЫ ИЗ ЭМИЛЬОНА!»

Как человек, просыпающийся от кошмара и обнаруживающий, что он так и не проснулся до конца, несчастный Фарлоу отчаянно закричал и пробудился, осознавая, что все это было лишь прелюдией к настоящему ужасу, который

ждет его в последующих снах. Я изо всех сил старался успокоить своего друга, хотя надо признать, что мое присутствие не слишком добавляло ему храбрости. Я высказал также предположение, что в создавшейся ситуации ему, возможно, помог бы священник или опытный врач. В ответ Фарлоу лишь грустно покачал головой и с горькой иронией заметил, что в его состоянии, конечно, было бы как раз впору обратиться к священнику, но только какой же священник или врач возьмется сопровождать его в ночных кошмарах и стоять рядом во время опасности, которая угрожает ему в том, другом мире? Я посмотрел в полные отчаяния глаза Фарлоу. и чувство глубокой безысходности, читавшееся в его взгляде, невольно передалось мне. И, может быть, поэтому, услышав его следующие слова, я впервые по-настоящему испугался — чем же может закончиться эта коварная и страшная борьба, ночь за ночью идущая в его до крайности измученном мозгу?

Неподвижно склонившись над опустевшим письменным столом, он медленно и тихо сказал мне:

— Я все тщательно обдумал. В последнем сне, две ночи назад, я впервые хорошо разглядел, откуда идет настоящая угроза… Дело в том, что я никогда не попаду в город. По воде навстречу мне движется конный отряд. Солдаты закутаны в белые одеяния и мчатся с огромной скоростью. Даже несмотря на то, что сны прогрессируют медленно, конец уже не за горами. Это вопрос, самое большее, нескольких недель.

Я хотел было как-то развеять его мрачные мысли, но слова застряли у меня в горле.

— Это же янычары из Эмильона! — задыхаясь, выкрикнул Фарлоу. — Я уже различаю их зверские восточные лица. Черт знает как, но я стал человеком их времен, которому они должны отомстить!

— Да как же сон может причинить тебе реальный вред?! — неожиданно для самого себя выпалил я.

— Дурак! — заорал Фарлоу. — Они же убьют меня! Как только они поймают меня, я умру.

Я молчал. Фарлоу отвернулся и невидящими глазами уставился на книжную полку.

В наступившей тишине я встал и взял свою шляпу.

— По-моему, друг мой, вам нужна хорошая медицинская консультация, причем немедленно, — сказал я. — Могу порекомендовать вам…

— Спокойной ночи, — ровным и ничего не выражающим тоном прервал меня Фарлоу. Я тихо вышел и закрыл за собой дверь. В этот вечер, чего греха таить, даже у меня появилось

сомнение в его полной нормальности.

V

В создавшихся обстоятельствах, начав опасаться за рассудок и саму жизнь моего друга, я обратился к доктору Сондквисту и как можно точнее постарался обрисовать ему суть дела. К моему облегчению, Сондквист не увидел в этом случае ничего сверхъестественного и выходящего за рамки его обычной психиатрической практики. Он привел несколько убедительных цитат из Юнджина и Адлериана и своим чутким отношением к моему рассказу вскоре уверил меня, что он — именно тот человек, который сможет отвести заблудившийся разум Фарлоу от мрачного берега его снов, если это вообще в человеческих силах.

К счастью, следующая встреча с Фарлоу прошла более благоприятно, нежели я мог ожидать. Казалось, что мой приятель напрочь забыл о своей вспышке гнева, имевшей место накануне. Он был бледен и очень изможден, но тем не менее накаленная атмосфера, окружавшая его в последнее время и наводившая на мысль, что человек находится на грани помешательства, куда-то исчезла. Беседа прошла спокойно и тихо. Я понял, что в эту ночь ему ничего не снилось. А в заключение Фарлоу сказал, что согласен встретиться с доктором Сондквистом. Через неделю, после тщательного обследования, его поместили в Гринмэншен для отдыха и наблюдения, о чем я упоминал уже в начале рассказа.

Само собой, что мы потеряли тот близкий контакт, которым прежде наслаждались по вечерам, хотя поначалу я мог навещать своего друга дважды в неделю, и доктор Сондквист с готовностью давал мне самую исчерпывающую информацию о состоянии его здоровья. Конец этой истории составлен мною из того, что я узнал из уст самого Фарлоу, из его дневника, переданного мне в госпитале, и из последнего страшного разговора с доктором Сондквистом.

Когда я впервые навестил Фарлоу в Гринмэншен, то с беспокойством отметил, что выглядит он еще более изможденным и уставшим, чем ранее. Но белые стены санатория, размеренное течение жизни и повседневная забота медицинского персонала несомненно оказывали свое благотворное влияние. Это было сразу заметно.

Безо всяких предисловий Фарлоу начал рассказывать мне о

подробностях своих последних видений, будто не мог более ни секунды выдержать того, что кроме него их никто не созерцает. Со времени нашей последней встречи у него было еще два сна, в целом повторявших предыдущие, но, как всегда, с некоторыми новыми деталями. Насколько Фарлоу сумел разглядеть, янычары были теперь значительно ближе. Он все так же стоял на берегу, а белые всадники бороздили воду залива уже на полпути к нему.

Фарлоу видел, что они несут с собой нечто похожее на знамя с изображением зеленого полумесяца и при этом отчаянно размахивают короткими кривыми мечами, ослепительно сверкающими в лучах утреннего солнца. Их белые тюрбаны волнами вздымались в ритме лошадиной скачки, а вороные кони, бегущие тесным строем, с громким ржанием рассекали теплые волны залива своими блестящими подковами. Жестокость лиц янычаров, которые уже можно было разглядеть под тюрбанами, не оставляла никаких сомнений в неизбежности расплаты. Их обросшие бородой землистые лица, горящие глаза и ярко-красные тонкие губы, слегка приоткрытые и обнажившие ряды острых белых зубов — все было настолько хищное и пропитанное садизмом, что спящая личность Фарлоу чуть было не потеряла сознание от страха.

Во сне, который он видел следующей ночью, янычары подъехали настолько близко, что уже можно было ясно расслышать их рубленые гортанные выкрики и даже рассмотреть узоры на замысловатых уздечках коней. На ногах у всадников были сапоги из мягкой кожи с острыми металлическими шпорами, которые они глубоко вонзали в бока взмыленных скакунов. Снова задул ветер, неся с собой озноб отчаяния, и в двадцатый или тридцатый раз Фарлоу проснулся с воплем смертельного ужаса.

Я пытался успокоить своего друга, как только мог, но после нескольких часов тщетных усилий все же вынужден был покинуть его до следующего посещения. К сожалению, в этот день Сондквиста не было в клинике и мне не удалось побеседовать с ним, хотя он, вероятно, смог бы убедить меня в возможности благоприятного исхода всей этой истории. Но так или иначе, со временем я стал замечать, что постепенно и сам склоняюсь к тому же заключению, которое повергло Фарлоу в состояние крайней меланхолии, а именно: что развитие его снов — процесс совершенно неизбежный, и как-либо изменить или остановить его, а значит, и предотвратить наступление вполне определенного исхода, абсолютно невозможно. Но что это был за исход, никто из нас, кроме разве что самого Фарлоу, не мог даже предположить.

О последующих событиях я узнал из дневника моего друга, который он вел последние месяцы. Приведенный ниже отрывок, сложенный мною из отдельных кусочков, относится ко времени, следующему как раз за моим посещением. В этот период Фарлоу пытались лечить шоковой терапией, причем довольно интенсивно, и в результате днем он становился замкнутым и отрешенным, каким раньше бывал лишь по ночам, когда ему не удавалось заснуть. Сондквист был сильно обеспокоен его состоянием, но продолжал держаться учтиво и не подавал никакого вида, что существует серьезная опасность. Курс лечения должен был прервать навязчивое повторение снов и впоследствии рассеять их совсем. По крайней мере так я, не будучи специалистом, понял это из дневника Фарлоу. Помимо всего прочего в его записях было много размышлений о разного рода метафизических проблемах, которые для меня оказались непонятными, и поэтому я пропускал те страницы, на которых он предавался рассуждениям о законах природы и строении вселенной.

В результате лечения развитие снов удалось несколько приостановить. Во всяком случае, если раньше Фарлоу видел свои кошмары по три раза в неделю, то теперь они стали являться не чаше одного раза. Таким образом, исход этой странной «болезни» был несколько оттянут по времени, но ни разрушить, ни как-либо изменить по содержанию сны, столь сильно омрачавшие сознание моего приятеля, никакое лечение не было в силах.

Большую часть времени Фарлоу был свободен от медицинских процедур. В такие часы сон валялся полностью одетый на маленькой железной кровати и смотрел в потолок, прислушиваясь к голосам птиц, доносившимся из сада. День за днем он слушал, как течет кровь в его жилах, и уже мог даже различать оттенки пульса В разных частях тела. Каждой клеточкой своего организма Фарлоу сознавал, что живет, он почти что чувствовал, как растут ногти на его ногах под носками. Хорошо знал он также, сколь много еще может дать миру в области научных исследований. И с этим полным ощущением кипевших в нем жизненных сил в свои сорок девять лет он ясно понимал, что его страстная жажда жизни и дальнейшего творчества на поприще науки едва ли будет утолена. Эти тяжкие мысли не оставляли его ни на минуту, и с ними смешивалось жгучее желание стряхнуть с себя черное облако неизбежной судьбы, полностью заслонившее горизонт уже не только в снах, но и в реальной жизни.

В одной из последних дневниковых записей Фарлоу я нашел следующие слова, подчеркивающие его трагическое знание

предстоящего: «Эти лица, эти страшные, жестокие лица! И эти глаза! Если Сондквист ничего не сделает, они скоро настигнут меня. И это будет конец…»

VI

Конец наступил раньше, чем можно было предположить. Во всяком случае, даже для меня случившееся явилось большой неожиданностью. Уехав на время по служебным делам, я не мог навещать Фарлоу целую неделю. Когда же я, наконец, позвонил в Гринмэншен, чтобы справиться о своем друге, старшая сестра отвечала как-то уклончиво и односложно и в конце концов посоветовала переговорить с дежурным врачом. Тот, в свою очередь, тоже отказался от разговора и попросил меня перезвонить Сондквисту. Но Сондквист был очень занят и не смог подойти к телефону. Поэтому в конечном итоге я так ничего и не узнал. Тогда я решил поехать в клинику лично.

Стоял жаркий июльский день, и густой переливающийся воздух, радостные песни птиц и тепло, поднимающееся о земли, говорили о том, что жара будет и дальше усиливаться. Пока я ехал в Гринмэншен, красота летнего пейзажа немного отвлекала меня от невеселых мыслей о том тяжком положении, в котором оказался несчастный Фарлоу. Но как только я подъехал к клинике, так сразу же понял, что здесь что-то произошло. Главные ворота госпиталя были заперты и мне пришлось звонить в будку привратника.

Он почему-то начал перезванивать в основное здание, чтобы мне разрешили пройти вовнутрь. Пока он звонил, я вышел из машины, незаметно открыл оказавшуюся незапертой дверь рядом с будкой и проник во двор, услышав за спиной запоздалые крики привратника. Подойдя к корпусу больницы, по царившей вокруг суете я сразу понял, что уже ничем не смогу помочь своему бедному другу. Рядом с газоном стояла городская скорая помощь, а неподалеку припарковались две полицейские машины с лондонскими номерами. Встретившая меня старшая сестра выглядела бледной и испуганной и стала пытаться отговорить меня от встречи с доктором Сондквистом.

— Позвоните, пожалуйста, директору вечером, — сказала она. — Это будет самое лучшее.

Покачав головой, я твердо сказал ей, что хочу видеть Сондквиста немедленно. Она немного поколебалась, а затем нехотя прошла к телефону в свой кабинет. Я прождал в холле

почти десять минут, прежде чем услышал ровные шаги доктора по коридору. Он выглядел крайне встревоженным и измученным.

— Мне хотелось бы повидать Фарлоу, — начал я безо всяких предисловий. В ответ Сондквист грустно покачал головой, и по лицу его пробежала мрачная тень.

— У меня плохие новости для вас, — сказал он. — Минувшей ночью Фарлоу умер.

Несколько мгновений я не мог прийти в себя, а потом вдруг как бы со стороны увидел, что доктор подвел меня к стулу. Старшая сестра стояла наготове неподалеку. Сондквист протянул мне стакан брэнди, и я машинально опорожнил его.

— Что случилось? — заикаясь произнес я, как только чувства вернулись ко мне.

Скорбное выражение опять скользнуло по лицу Сондквиста, и после минутной паузы он нерешительно ответил:

— Ночью у него был сердечный приступ. К сожалению, мы ничего не смогли сделать…

Я просто не поверил ему, и, возможно, это стало заметно из моих слов:

— Тогда зачем здесь полиция? — спросил я, пристально глядя ему в глаза.

Сондквист резко замотал головой.

— Они приехали совсем по другому делу, — быстро ответил он, но при этом на его скулах проступили красные пятна. Затем он дружески положил руку мне на плечо.

— Видите ли, — начал он ласковым тоном, — сейчас у меня крайне много неотложных дел, и вы меня очень обяжете, если позвоните немного попозже. Мы договоримся о встрече на завтра, когда у меня появится время, и тогда я с радостью отвечу на все ваши вопросы.

Я угрюмо согласился и через несколько минут был уже на пути в город. Но встреча с доктором, состоявшаяся на следующий день, ничем меня не порадовала, так как всяческих неясностей и вопросов после нее стало даже больше, чем было вначале. Похороны прошли тихо, и через несколько месяцев о бедном Фарлоу с его проблемами почти все позабыли. Но только не я! Я продолжал поддерживать связь с Сондквистом, часто бывал у него, и когда он начал доверять мне и убедился, что в моих вопросах лежит нечто большее, чем праздное любопытство, он открылся мне во всем, что касается истинных обстоятельств смерти Фарлоу. Но иногда я думаю, что лучше бы он этого не делал. По крайней мере тогда бы я крепче спал по ночам.

Прошло более года, прежде чем Сондквист решился мне обо всем рассказать. Был сентябрь, хворост трещал в камине его

кабинета в Гринмэншен, распространяя по комнате волны сухого тепла. Мы засиделись допоздна, и хотя днем было еще тепло, вечера уже несли с собой прохладу. Он достал кое-какие записи о лечении Фарлоу и разрешил мне просмотреть дневник моего друга.

После небольшой паузы я прямо спросил его:

— Вы считаете Фарлоу сумасшедшим?

Сондквист задумался, а потом решительно покачал головой.

— Иногда мне кажется, что сумасшедший — это я, — как-то загадочно сказал он, и странное напряжение мелькнуло в его взгляде.

— Что вы имеете в виду? — насторожился я.

Доктор нервно забарабанил длинными пальцами по столу, потом поднял стакан вина и залпом осушил его.

— Вы уверены, что в самом деле хотите узнать, как умер ваш друг? — спросил он, испытующе глядя на меня прямо в упор.

Я кивнул. Сондквист повернулся и мрачно посмотрел на огонь, будто ответ на загадку Фарлоу находился где-то среди мерцающих угольков.

— Могу я надеяться на ваше благоразумие в этом вопросе? — наконец спросил он после долгого молчания.

— Несомненно, — уверенно ответил я.

Тогда доктор повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза, начав рассказывать о жутком конце этой печальной истории.

— Я полагаю, вы все знаете о прогрессии снов Фарлоу, не так ли? — осведомился он для начала.

— Да, он все мне рассказывал, — подтвердил я.

Сондквист поведал мне, что в последние дни лечения Фарлоу был, как всегда, тихим и послушным. Но перед самой последней ночью он вдруг очень разволновался и в беседе с доктором рассказал ему о своих тревогах. Дело было в том, что в последнем сне янычары так близко подъехали к Фарлоу, что он мог уже дотронуться до них. И он опасался, что если следующей ночью сон повторится опять, то они уничтожат его, и он погибнет.

Сондквист, разумеется, имел другое объяснение этим снам. Он полагал, что последнее видение должно ускорить развязку болезни, потому что как раз оно-то и содержит в себе зерно всей проблемы. Он сказал Фарлоу, что если тот выдержит этот критический момент и пересилит в себе страх, то дальше сможет жить совершенно нормальной жизнью. По мнению доктора, именно после этой ночи, если действительно придет тот самый сон, которого Фарлоу так боится, он будет вылечен, и навязчивые кошмары навсегда оставят его. Реакция моего друга была вполне понятной: он страшно рассердился, заявив, что Сондквист ничего

не понимает и не хочет понимать, потому что его собственная жизнь не висит на волоске. В конце концов Фарлоу до того разгорячился, что пришлось вызвать санитаров, чтобы успокоить его. Он выкрикивал что-то насчет янычаров из Эмильона и умолял Сондквиста поставить у его постели на ночь охрану.

Директор дал ему успокоительные таблетки и велел ночным сестрам время от времени заглядывать в палату. Фарлоу перевели в комнату с мягкими стенами и полом, и так как смирительная рубашка больше не требовалась, спал он, как всегда, на кровати. В два часа ночи дежурный санитар заглянул в окошечко изолятора. Пациент спал.

А около четырех утра клиника была разбужена жуткими криками. Неистовые вопли неслись из палаты Фарлоу, и это было нечто ужасное, чего раньше никогда не приходилось слышать даже директору. Первый санитар, который заглянул в окошко палаты, тут же отвернулся. Его страшно рвало несколько часов, а потом он потерял сознание. С огромным трудом Сондквист заставил себя войти в комнату. После тщательного исследования содержимого палаты была вызвана полиция, сделаны фотографии, и опрос свидетелей длился целую неделю.

Ради поддержания спокойствия среди пациентов и персонала Гринмэншен, а также для сохранения репутации самого доктора Сондквиста, высшие власти, среди которых был и сам начальник полиции графства, решили, что делать этот случай достоянием гласности не следует, и его быстро замяли.

Истина была настолько фантастичной, что единственное письменное упоминание о ней сохранилось лишь в личном архиве Сондквиста, который все это время был заперт на замок, и документы могли быть опубликованы только после его смерти.

Здесь я начал задавать вопросы, и доктор подробно ответил на них. Потом он дал мне посмотреть фотографии, сделанные в тот страшный день, и я подумал, что было бы лучше их сразу же уничтожить. Никогда не забуду, что там было изображено… С болью в сердце я, наконец, вышел из ворот Гринмэншен и как пьяный поехал домой.

Когда я окончательно пришел в себя, то первым делом отыскал пресловутый камень, переданный мне Фарлоу. замотал его в мешковину и привязал к свертку несколько тяжелых железок. Затем поехал на мост и выбросил все это в реку. После этого мне показалось, что часть мрачной тени сползла с моего рассудка. Но все же эта история продолжает неотступно преследовать меня, и в последнее время мой сон стал часто нарушаться. И я молю Бога, чтобы мне не снились сны, которые посещали Фарлоу…

То, что рассказал мне Сондквист, и что я увидел на фотографиях, напоминало разделочную комнату в мерзкой кровавой бойне. В палате Фарлоу, которая была обита мягкой материей, и где не было ни одного острого угла, а тем более — оружия, лежали окровавленные, изрезанные, растерзанные куски его трупа, в нечеловеческой злобе разбросанные по всему помещению — там глазное яблоко, там рука, там часть ноги, точь-в-точь как на демонических полотнах Иеронима Босха. С той лишь разницей, что все это было на самом деле. Не удивительно, что многие медсестры потеряли сознание при виде этой картины, а санитарам, убиравшим помещение, пришлось пользоваться масками и щипцами.

И вот что сказал мне доктор Сондквист. когда я уходил от него:

— Можете в этом не сомневаться, хотя научно такое и необъяснимо, но Фарлоу был разорван на кусочки так, будто на него напала добрая дюжина молодцов с острыми ножами или саблями!..

В следующем выпуске нашей серии читайте:

1. **Фрэнк Белкнап Лонг**
«Псы Тиндала»

2. **Карл Якоби**

«Откровения в черном»

3. **Л. П. Гартли**
«У. С.»

4. **Розмари Тимперли**
«Встреча в рождество»

5. **Кларк Эштон Смит**
«Рассказ Сатампры Зейроса»

В 1991 году в серии «Библиотека ужасов» выходят в свет романы: Дэвид Зельцер «Знамение»; Уильям Питер Блэтти «Изгоняющий дьявола»; Марк Сондерс «Бедствие»; Фрэнк Пол Вильсон «Застава»; Айра Левин «Ребенок Розмари»; Мэри Хиггинс Кларк «Крик в ночи».

Следите за рекламой.

notes

Примечания

1

Плотник и Морж — герои известной книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». (Прим. перев.).